

Дарья ДОНЦОВА

www.dontsova.ru



СЕРИАЛ
*
«Любимица
Фортуны
Степанида
Козлова»

Мачеха
в хрустальных
галошах

Дарья Аркадьевна Донцова
Мачеха в хрустальных галошах
Серия «Любимица фортуны
Степанида Козлова», книга 10

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9747765

Мачеха в хрустальных галошах : [роман] / Дарья Донцова: Эксмо;

Москва; 2015

ISBN 978-5-699-79383-9

Аннотация

Жизнь преподносит Степаниде Козловой все новые и новые сюрпризы! Нет, нет, она по-прежнему визажист фирмы «Бак», просто сейчас гримирует семью Монаховых для съемок биографического телефильма. Что такого особенного в Кирилле и Антонине, а также в их детях? У мужчины после тяжелой травмы открылся Дар: алтайский шаман, лечивший его, велел теперь помогать людям и возвести Дом Души. Чем и занялись члены семейства. Правда, старшие – истово, отказывая себе во всем, а младшие – с неохотой, недовольные переездом из особняка в обычную квартиру. Работа над фильмом продолжается, и вдруг... оказывается, в подвальном чулане дома Монаховых спрятаны украшения, похожие на те, что снимал со своих жертв маньяк-убийца...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	33
Глава 5	41
Глава 6	52
Глава 7	62
Глава 8	71
Глава 9	79
Глава 10	88
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Дарья Донцова

Мачеха в хрустальных

галошах

© Донцова Д. А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Глава 1

Если хотите побыстрее проснуться утром, положите на будильник мышеловку...

Я нажала на звонок, и из-за железной двери с пластиковой накладкой, имитирующей натуральное дерево, донесся противный дребезжащий звук. Но никто из жильцов не поспешил в прихожую открыть дверь. Минут пять я безуспешно терзала кнопку, потом поколотила створку ногой, не добилась никакого положительного результата и вытащила мобильный.

– Всем привет! – донесся из трубки приятный баритон. – Не впадайте в панику, услышав автоответчик. Купер с вами. Перезвоню через секунду. Купер не спит, не ест, не пьет и все остальное тоже «не». Купер тут. Все будет хорошо!

Я нажала на экран и замерла в ожидании. Ну где же ты? Время-то идет! Наконец сотовый замигал.

– Куп, они опять проспали, – пожаловалась я.

– Спокойствие, только спокойствие, Кисточка, – ответил собеседник, – сейчас ленивые зайчики очнутся. Ты пробовала Антонине звякнуть?

– Пробовала. Не отвечает, – протянула я.

– А Кириллу? – не отставал Купер.

– Тот даже днем вызовов не слышит, – ответила я. – Бросает телефон где попало, ходит без трубки.

– М-да, тяжело, когда голова чужими проблемами занята, – посочувствовал мой собеседник. – Кисточка, сделай глубокий вдох, медленно выдохни, досчитай до десяти, и, опля, Сезам откроется.

Я запихнула айфон в карман. На Купера можно положить-ся. Мы знакомы не так давно, но я успела понять: он не подведет и, если уж взялся вам помогать, непременно вытащит из любой, даже очень плохой ситуации. Кто такой Купер? Ну, во-первых, человек, чей возраст я назвать не смогу. У него спортивная накачанная фигура тридцатилетнего парня, лицо пятидесятилетнего дядечки, на котором сияют глаза восторженного семилетнего малыша, и аппетит вечно голодного подростка.

Вчера я услышала, как он, общаясь с журналистом, который выглядел ровесником моей бабушки Изабеллы Константиновны, посетовал:

– Да, да, Леонид Егорович, совершенно с вами согласен, современная молодежь ленива и глупа. Мы были другими, в нас школа и родители воспитали трудолюбие вкупе с ответственностью.

Я уже знала, что Купер, как хамелеон, ловко приспосабливается к любому собеседнику, отчего мигом начинает нравиться всем. Но словечко «вкупе» до сих пор при мне произносили только бабуля и ее подружки, поэтому я сообразила: обаятельный дядечка давно не молод. Однако через полчаса после беседы с капризным Леонидом Егоровичем мы

с Купером зашли в кафе, и мой спутник, усевшись за столик, съел салат оливье, наваристый борщ со сметаной, пожарскую котлету с макаронами, запил все это парой бутылок колы, а потом слопал хороший кусок медовика под аккомпанемент черного кофе с горой взбитых сливок.

Глядя на быстро исчезающую еду, я опять изменила свое мнение о возрасте Купера. Разве человек пенсионного возраста может умять столько жирного, сладкого и прочего вредного? Да у любого мужика, которому зашкалило за пятьдесят, печень свернется в трубочку и откажется работать на стадии котлет, кои упали в желудок, где уже пребывают борщ со сметаной и салат оливье, утопленный в майонезе. А Купер довольно улыбался и не лез в сумку за таблетками для улучшения пищеварения. Нет, ему точно лет тридцать, а выглядит мой новый знакомый старше, потому что непонятно, когда он спит.

Чем занимается Купер? Он – Тот Кто Все Может, добрый волшебник, джинн из лампы, старик Хоттабыч и цветик-семицветик в одном флаконе. Предположим, вы звезда шоу-бизнеса, которая, напившись до поросычьего визга, сплясала в клубе на барной стойке кукарачу, размахивая как флагом снятым нижним бельем, потом побила обслуживающий персонал, подожгла гардероб и, сев пьяной за руль, въехала в машину ГАИ. Для любого селебретис подобное приключение, несмотря на размер звездности, закончится печально. Но если в вашей записной книжке есть номер Купера, може-

те не волноваться. Не успеют полицейские выбраться из своего разбитого драндулета, как перед ними возникнет Куп и легко купирует скандал. Ни один снимок с развеселой вечеринки, а также с места аварии никогда не попадут в прессу, более того, весело улыбающиеся официанты и полицейские станут вашими лучшими друзьями. Другой вопрос, на какую сумму похудеет ваш банковский счет, но это уже детали.

Не надо думать, что Купер выручает только известных людей. Вы простая девушка, которая хочет, чтобы ее гламурная фотография оказалась на обложке глянцевого журнала? Желаете стать главной героиней программы «Модный приговор» и выслушать советы от Эвелины Хромченко, гуру фэшн-мира? Мечтаете сами вести телепрограмму? Планируете выйти замуж за члена какой-нибудь королевской семьи? Хотите улететь на край света и поселиться в стране, куда ни при каких условиях не пускают европейцев? Только позвоните Куперу, и он решит проблему.

Как я познакомилась с человеком – волшебной палочкой? Сейчас расскажу.

Две недели назад меня в семь утра разбудил звонок телефона, и веселый голос сказал:

– Привет, Степанида! Твой номер дал мне Звягин, владелец фирмы «Бак». Хочешь заработать?

– Не откажусь, – ответила я, решив, что предстоит делать кому-то макияж на свадьбу или день рождения.

– Отлично! – обрадовался собеседник. – Давай встретим-

ся.

– Хорошо, – согласилась я. – Где и когда?

– Прямо сейчас, – объявили из трубки. – Открывай дверь, я стою на лестничной клетке.

Я выскочила из-под одеяла, кое-как пригладила волосы, влезла в джинсы и распахнула дверь. За ней оказался незнакомый мужчина, державший в одной руке большой картонный стакан, а в другой бумажный пакет.

– Латте из твоей любимой «Чаемании», – весело заявил он, входя в холл. – И, битте, бутерброды оттуда же. Меня зовут Купер.

– Я не ем сэндвичи, – в полной растерянности пробормотала я, машинально принимая угощение.

– Правда? – удивился Купер. – Ну и ну! Вечно Франсуа все путает.

Я решила разобраться в ситуации.

– Вы знакомы с господином Арни, креативным директором «Бака»?

– Жизнь сталкивает меня со многими людьми, – засмеялся неожиданный гость. – Француз заверил, что лучше Степаниды Козловой никто не работает. А еще он посоветовал принести тебе кофе с обезжиренными сливками и бутеры из «Чаемании», где вместо хлеба гречневые лепешки, а на них овощи с индейкой.

– Да, такие я очень люблю, – подтвердила я, – но их в кафе называют буратто.

– Все равно, как именуется еда, главное, чтобы была вкусной, – отмахнулся Купер. – Вау, какая у тебя квартира! Дом необыкновенный, ремонт потрясающий, денег вложено немерено.

Я молча слушала, как он восторгается интерьером. Да уж, Костя Столов не пожадничал¹. Когда он начал обновление моих апартаментов, мне пришлось каждый божий день спорить с ним, иначе бы сейчас тут были натуральный мрамор, паркет из африканского дерева кора-кора, занесенного в Красную книгу, ванна из цельного куска малахита и прочие изыски. Константин умный интеллигентный человек, но почему-то его переклинило на нашей с Агнессой жилплощади, он отремонтировал не только мое, но и ее жилище. Например, у Несси в гостиной на потолке выложена мозаика, изображающая гору Олимп с богами. А Магда, собака моей соседки, теперь спит, завернувшись аж в три меховых пледа из стриженной норки: одного ей, сильно располневшей от неумеренного потребления вкусных мясных консервов, запас которых Столов постоянно пополняет, уже не хватает, чтобы укутаться целиком. Агнесса страшно довольна, в восторге и от потолка, и от одеял, и от кухонных шкафчиков, на дверцах которых выложен орнамент из перламутра.

Ой, стоп, хватит рассказывать о соседях и о Косте, вернусь

¹ О том, как Степанида познакомилась с Константином Столовым и почему он решил отремонтировать дом, где живет Козлова, рассказано в книге Дарьи Донцовой «Лунатик исчезает в полдень», издательство «Эксмо».

к Куперу. Через десять минут после того, как мы сели пить кофе, я уже считала своего гостя лучшим другом и, конечно, согласилась на предложенную им работу. В чем ее суть, объясню чуть позже, сначала надо поведать одну историю.

Жил-был на свете Кирилл Монахов, работал помощником у крупного политика, писал ему тексты выступлений, катался с ним по регионам. И вдруг налаженная жизнь Монахова рухнула – он попал в аварию. Беда случилась далеко от Москвы, возле крохотного села на Алтае, куда Кирилл отправился вовсе не по рабочим делам, а в отпуск. Он страстный рыбак, расслабляться предпочитает, сидя с удочкой на берегу, поэтому, получив свободную неделю, купил тур в такое место, где кишмя кишит хариус, и отправился с супругой Антониной в глубь России. Жена полностью разделяет его страсть, она в отличие от многих представительниц слабого пола не путает крючок с поплавком. Детей – дочь Анастасию и сына Родиона – они оставили дома.

Семья Монаховых на тот момент жила безбедно. Они построили двухэтажный дом в подмосковном поселке, ездили на недешевых иномарках, держали шофера, домработницу. Но ведь зарплата помощника депутата не столь уж велика, откуда же у семьи деньги, спросите вы?

Материальное благополучие Монаховых в основном зависело от жены: Антонина стоматолог. Руки у нее золотые, пациенты текли полноводным потоком. В середине нулевых Антонина открыла свою клинику, и вклад в банке стал расти.

А у ее мужа возникли амбициозные планы, связанные с политикой. Алкоголиков, дебоширов, наркоманов, уголовников и прочих асоциальных личностей в семье не было, обычные благонадежные граждане, вовремя оплачивающие налоги и никогда не попадавшие в зону внимания полиции. Монаховым даже штрафов за превышение скорости не выписывали.

Их хорошо налаженная жизнь рухнула в тот момент, когда Кирилл, утомившись сидеть с удочкой, сказал жене:

– Хочу есть, поехали в деревню.

Антонина отказалась. Тогда супруг сел на велосипед и поехал в село, жители которого зарабатывали тем, что сдавали свои избы людям, прилетавшим в далекий край ради шикарной рыбалки. Ехать было близко, но москвич запутался в тропинках, повернул не туда, очутился на незнакомой дороге, а там его сбил трактор, коим управлял сильно нетрезвый абориген.

Глава 2

Врач местной амбулатории, куда доставили пострадавшего, растерялся. У доктора, который вообще-то являлся мастером на все руки – мог лечить зубы и принимать роды, не было ни нужного оборудования, ни достаточного опыта, чтобы оказать помощь такому раненому. Правда, в его распоряжении имелся старенький вездеход. Но на древней машине до районного центра, где находилась больница, часов пять пути, в «козлике» нет системы реанимации, и в лежачем положении пострадавшего нельзя в нем транспортировать.

Представляете состояние Антонины, понимавшей, что муж непременно умрет, если ему вовремя не оказать квалифицированную помощь?

Был еще один нюанс. В две тысячи пятом году супруги уже попадали в аварию. Абсолютно трезвый Кирилл не справился с управлением, автомобиль влетел в бетонный столб. Тоня, всегда сидевшая на переднем сиденье около мужа, в тот день, сама не зная почему, устроилась сзади, и это ее спасло. А вот Монахов сильно покалечился, лицо ему потом собирали по кусочкам, «выстрелившая» подушка безопасности сломала водителю нос, скулы, подбородок, осколки от ветрового стекла глубоко поранили щеки, губы, лоб. ДТП случилось поздним вечером на участке шоссе, ведущем к поселку, где тогда жили Монаховы, и ездили там только

свои, оживленная трасса пролегла в трех километрах левее.

Антонина, не получившая даже царапины, выскочила на пустую дорогу и сообразила: помощи ждать неоткуда. Но вдруг из-за поворота вырулил... реанимобиль частной клиники, который возвращался от какого-то больного. Это было чудо!

И теперь случилась похожая история: снова ДТП и глухое место. Женщину сковал ужас: один раз судьба уже хотела забрать ее Кирюшу, да кто-то на небесах поломал этот план. Однако злая карма решила не сдаваться и повторила ситуацию, только, кажется, теперь она своего добьется.

И тут хозяйка дома, который сняли Монаховы, посоветовала обратиться к местному шаману. Антонине, окончившей мединститут, ее идея представлялась бредовой, но от полного отчаяния она все же бросилась к колдуну. Тот, осмотрев Кирилла, выгнал всех из избы, на две недели заперся с пострадавшим, поил его какими-то отварами, пел заунывные песни, бил в бубен. Тоню ведьмак накачал каким-то снадобьем, и она впала в состояние дремлющей черепашки, у нее пропало желание ехать в район, пригонять оттуда «Скорую», организовывать перевозку мужа в клинику. Монахова только дремала и изредка ела куриный суп, который прежде даже пробовать не желала.

Через четырнадцать дней Антонина очнулась и узнала: Кирилл жив, находится в сознании, здоровью его уже ничто не угрожает, сломанные ноги-руки срастаются с невиданной

быстротой. Шаман оказался гениальным врачом.

Вместо двух недель пара прожила в деревне несколько месяцев. Провожая своего подопечного домой, колдун на прощание сказал ему:

– Ты умер и шел в страну за рекой. Я попросил духа Аруту вернуть тебя. Если станешь жить, как раньше, думая только о себе, дух обидится и отправит тебя назад, в царство мертвых. Теперь ты обязан помогать тем, кому плохо, кто болен или потерял веру в свои силы. Потому что получил от Аруты дар, используя который сумеешь выполнить миссию. Но Арута смотрит за тобой. Увидит, что подарок используется не так, как положено, – в ту же секунду ты уйдешь к предкам. Построй Дом Души, куда будут обращаться больные и усталые. Живи скромно, покупай лишь необходимое, остальное отдавай людям. И помни: отныне ты живешь на этой земле не ради себя.

Монаховы вернулись в Москву другими людьми. Супруги продали особняк, купили дешевую трехкомнатную квартиру в непрестижном районе Москвы и переехали туда. Антонина, правда, по-прежнему владеет стоматологической клиникой, но теперь весь полученный доход переводит в фонд создания Дома Души. Кирилл ушел от депутата, забыл про свои политические амбиции, все силы отдает спасению отчаявшихся людей.

Монахов написал несколько книг под общим названием «Путь души», издания раздаются даром. До недавнего вре-

мени об авторе знало не так уж много людей. А потом Кирилл с помощью своего дара вылечил Юлию Бурякову, которая чахла от какой-то непонятной болезни. Ее муж Андрей, богатый и влиятельный телемагнат, созвал лучших врачей, но жена тихо угасала.

Незадолго до того, как занедужить, Юля, будучи в гостях в одном доме, познакомилась с Антониной. У Буряковой во время вечеринки невыносимо заболел зуб. Стоматолог пожалела ее, привезла в свою клинику и живо устранила неприятность. Женщины стали поддерживать отношения. Тоня видела, что приятельнице делается все хуже и хуже, и предложила показаться Кириллу. Андрей Буряков скептически относился к экстрасенсам, хилерам, колдунам и целителям всех мастей, поэтому запретил супруге прибегать к помощи Монахова, но Юлия выбрала момент, когда муж улетел в командировку, и позвонила Антонине. Та ей сказала:

– Андрей не одобрит, если Кирилл приедет к вам домой, кто-нибудь из прислуги непременно доложит хозяину о визите. Лучше скажи, будто у тебя заболел зуб, и приезжай ко мне в клинику, тогда никаких вопросов не возникнет.

Так и поступили. Юля легла в кресло, в кабинет вошел Монахов, взял Бурякову за руку и заговорил тихим ласковым голосом:

– Ваша душа больна, но ее можно исцелить. Все будет хорошо...

Женщина расслабилась и задремала. Очнулась она через

два часа, вернулась домой, упала в кровать, заснула, а когда очнулась, впервые за последнее время очень захотела есть. С того момента состояние больной быстро улучшалось. В конце концов Юля призналась мужу, что тайком посетила Кирилла.

Сейчас Юлия и Андрей верные последователи Монахова. Буряков жертвует большие суммы на возведение Дома Души. Они с Кириллом мечтают, что после окончания строительства к Монахову станут приходить все отчаявшиеся, уставшие от жизни люди, чтобы получить бесплатную милосердную помощь. Поэтому Андрей задумал на своем канале масштабную пиар-акцию. Раскрутка Кирилла начнется с показа фильма о нем, ленту выпустят в прайм-тайм. В ней расскажут историю Монахова, сделают интервью с шаманом, покажут далекое алтайское село, где произошла беда, перевернувшая жизнь москвичей, продемонстрируют, как скромно сейчас живет семья Учителя, как строится Дом Души. И конечно, там будет беседа с Юлией. После демонстрации фильма к Кириллу должен хлынуть поток людей, которым он станет бескорыстно помогать.

Ни одни съемки невозможны без грима. Если не напудрить лицо, кожа будет некрасиво блестеть на экране, веки без теней и ресницы, лишённые туши, сделают глаза похожими на пороссячи, рот без губной помады превратится в трещину, а не сбрызнутые лаком волосы от статического электричества поднимутся, как иголки у сердитого ежа. Теперь

понятно, зачем понадобилась я, Степанида Козлова?

– Буряков придает созданию биографической ленты о Монахове особое значение, – пояснил Купер, – поэтому он собрал в съемочной бригаде лучших из лучших, а организую все я. Тебя мне порекомендовал Роман Звягин. Ну как? Ты согласна? Всего месяц работы.

– Спасибо за лестное предложение, – ответила я, – но я не верю в экстрасенсов, целителей, гуру и прочих. И живу на зарабатываемые деньги. Можете считать меня противной, не желающей помогать людям девчонкой, но я не хочу тридцать дней трудиться бесплатно ради какого-то там Дома Души.

– Кто сказал, что ты не получишь ни копейки? – изумился Купер.

– Ну... я так поняла, – смутилась я, – съемочная бригада работает задаром, ради идеи.

– Нет, это Кирилл бескорыстен. Он читает лекции, проводит семинары и не берет со слушателей ни копейки, а когда Дом Души возведут, там можно будет безвозмездно получать помощь, – пустился в объяснения Купер. – Но строительство обходится недешево, и Монахов не отказывается от материальной помощи, которую народ оказывает по зову сердца. Один дает на возведение здания десять рублей, другой сто тысяч, и первый, и второй получают фото Кирилла со словами искренней благодарности. Дом Души поднимается на добровольные пожертвования. Никто не станет воз-

ражать, если ты, получив деньги за свои труды, отдашь их на благую цель. Но никто и не принудит тебя это делать. Ты не больна физически? Не находишься в глубокой депрессии?

– Я на редкость здорова, довольна жизнью, у меня все прекрасно, – заверила я.

– Значит, Кирилл тебе совершенно не нужен, – весело констатировал Купер. – Да и возраст у тебя пока не тот, чтобы о душе думать. Получишь за работу хорошие деньги и – свободна. Вот договор с телеобъединением. Между прочим, я не являюсь фанатом Монахова, тоже получаю гонорар. Вот, изучи бумаги, там указана сумма твоего вознаграждения.

Я взяла несколько листов, скрепленных между собой.

– Хорошо, пару дней подумаю и дам ответ.

– Нет, он нужен сейчас, – возразил Купер, – времени на долгие размышлизмы нет. Документ без подстав, я его проверил со всех сторон. Съёмки начинаются послезавтра утром. Буряков очень хочет заполучить тебя, но, если ты будешь капризничать, рыдать не станет. У Андрея в запасе есть еще несколько кандидатур визажистов. Ну да, они хуже тебя, однако тоже профи. Глянь пункт номер два, тогда, вероятно, сможешь оперативно принять решение.

Я посмотрела на указанную Купером строку, увидела сумму прописью и замерла. Ну и ну! Мне бы в голову не пришло запросить столько за работу. Может, это опечатка? Тут случайно оказался лишний ноль?

А Купер быстро написал на бумажной салфетке другую цифру.

– Думаю, Андрей даже согласится поднять твой гонорар до этой суммы.

– Согласна, – вылетело из моего рта помимо воли.

– Супер! – заликовал гость. – По поводу основной работы не беспокойся, я уже договорился с Романом, он тебя отпускает. Знаю, что вы со Звягиным близкие друзья, ты сама могла с владельцем «Бака» обо всем пошептаться, но я подумал, что тебе не очень комфортно будет просить его об услуге, и сам провел разговор.

Я удивилась поведению Купера. Да, он совершенно прав: я не люблю кого-то о чем-то просить и стараюсь обходиться без этого. Понимаю, такое поведение глупо, но ничего поделить с собой не могу. Каким образом Купер догадался о данной особенности моего характера?

И вот уже несколько дней я работаю с Монаховыми. Но ни разу они не проснулись вовремя. Кириллу, Тоне и детям надо встать в семь утра, чтобы я, приехав в восемь, сразу наложила им грим. Сегодня семье предстоит очередной съемочный день с режиссером Розой, которая уже слетала на Алтай, пообщалась с шаманом и местными жителями. Кроме того, Роза побывала у Буряковых, записала рассказ Юлии об истории ее чудесного исцеления.

Я гримировала жену телемагната и невольно отметила для себя: со здоровьем у нее все в полном порядке. Может,

вам это покажется странным, но визажист способен заметить признаки подкрадывающейся болезни задолго до того, как ее симптомы станут видны окружающим. Если в организме развивается тяжелый недуг, первыми на него реагируют волосы – становятся тусклыми, похожими на солому и с трудом укладываются в прическу. Да, такой эффект наблюдается и у тех, кто злоупотребляет частым осветлением волос, ежедневно тиранит их, используя плойку, применяет неправильные шампуни-кондиционеры, безжалостно начесывает «бабетту», выливая на нее литры лака. Я часто вижу у таких людей тусклые волосы, но они постоянно растут, поэтому на линии пробора они красивые, блестящие. Правда, иногда даже только что проклюнувшиеся волоски не похожи на живые, и кое-кто из стилистов, заметив это, робко говорит клиенту:

– Сходите к врачу, сдайте анализы.

Люди, как правило, не прислушиваются к совету, а зря.

А вот Юлию укладывать было сплошным удовольствием. Копна густых, гладких, коротко постриженных каштановых волос выглядела безупречно, и я порадовалась за Бурякову.

Дверь квартиры, в которую я так долго и безуспешно звонила и стучала, наконец-то приоткрылась.

– Степочка, прости, – затараторила Антонина, – я завела будильники, но никто не услышал их. Господи, уже восемь! Скоро Роза примчится, а мы...

Я вошла в маленькую узкую прихожую, поставила у ве-

шалки объемистый грим-кофр и улыбнулась:

– Режиссер тоже любит поспать, вчера она опоздала к Юлии на час.

– Начни с Насти, – распорядилась хозяйка, – а я пока сварю всем кофе.

Глава 3

– Что, опять косички? – заканючила девочка. – Жесть!

– Есть четкие указания режиссера, – ответила я, раскладывая на письменном столе все необходимое. – Извини, но придется подвинуть твои тетради. Места мало.

– Противная комната, – скривилась Настя, – ненавижу ее.

– Здесь очень уютно, – улыбнулась я.

– Повернуться негде, – фыркнула Настя, – попой стены задеваешь!

– Да, помещение небольшое, – согласилась я. – Но в огромных спальнях часто бывает неуютно. Интерьер в них оформляет дизайнер, а не хозяйева, поэтому ни малейшей индивидуальности в обстановке нет, она смахивает на фото в журнале: красиво, стильно, но обезличенно. А у тебя все подобрано с любовью. Розовые занавески, обои с мишками, на столе лампа в виде кошки, на стуле подушка с вышитой черепашкой, на полочке над кроватью сидят любимые плюшевые собачки. Многие девочки мечтают иметь такую комнату. Знаешь, кое-кто из детей спит на кухне или делит спальню с родителями или с бабушкой.

Настя скорчила рожицу.

– Отстой, не прикидывайся, что тебе это нравится.

– Но мне на самом деле нравится твоя комната, – сказала я.

– Да здесь всего девять метров! – обиженно протянула Анастасия. – Из мебели стол, стул и диван. Спать на нем парашно, а убирать-разбирать его каждый день меня просто задолбало. Вечером вытаскиваю матрас... а куда верхние подушки деть?

– На полу можно устроить, – ответила я.

– Ага! Гадость! – воскликнула Настя. – Я их к батарее затыриваю. И ты понимаешь, что у меня только пол-окна?

Я решила успокоить обозленную девочку.

– Света вполне хватает.

– Не-е-ет! – зло воскликнула Настя. – Родители Родьку больше любят, ему все шоколадное, а мне дерьмо. Мать, когда ремонт делала, одну комнату перегородила. Маленькая часть мне досталась, а у сыночка огромная спальня. Здоровенная! У него там все-все есть, и кресло, и шкаф. А мои жуткие дерьмовые шмотки в коридоре висят. Мне надо утром диван собрать, вечером разобрать. Задолбало! А у маминого любимчика кровать. На ней красивый плед. меховой. А у меня – мерзость. Лежать на тряпке невозможно, она из синтетики, стреляется.

Я порылась в кофре и протянула юной скандалистке баллончик.

– Держи.

Настя спрятала руки за спину.

– Это чего?

– Хороший антистатик, – пояснила я. – Обрызгай им по-

крывало, оно перестанет искривляться. А диван, кстати, можно не собирать, просто застели его, и дело с концом.

– И где тогда ходить? – выкрикнула девочка. – Останется только два сантиметра, на которых не повернуться! Не хочу здесь жить! Раньше у меня спальня была на втором этаже с балконом... Окно во всю стену...

Я не успела ничего сказать – девица одним движением руки сбросила на пол семью плюшевых игрушек с полки и начала топтать их ногами.

– Ненавижу это дерьмо! Их купили сюда специально, они мне на фиг не нужны! Где моя коллекция гномов? Где кровать с балдахином?

Дверь отворилась, показалась хозяйка.

– Анастасия, в чем дело?

– В дерьме, в котором мы теперь живем! – заорала дочь. – В блевотине, которую едим, в убогих шмотках, в хачиках, с которыми я в одном классе сижу. Мама! Я хочу домой!

– Степоська, – ласково зажурчала хозяйка дома, – причеши пока Родю и Кириллу. Думаю, лучше начать с мальчика.

Я быстро покинула владения истеричной девицы и постучалась к юноше.

– Входите! – крикнул Родион.

Я вкатила свой кофр в комнату сына Монаховых и не смогла сдержать удивления:

– У тебя спальня меньше, чем у Насти, от окна остался огрызок, диван тоже раскладной, вместо стола доска!

Студент, лежавший на самом обычном темно-сером флисовом пледе, сел.

– У Настьки припадок шизы? Опять орет, что мне лучшее досталось? Ем райские яблочки, а ей огрызки достаются?

– Вроде того, – согласилась я.

– И что покрывало у меня на ложе из норки? – захохотал Родион.

– Сестра часто про меховой плед говорит? – удивилась я.

Парень хмыкнул.

– Настька всегда такой была, вечно в моей тарелке картошку пересчитывает.

– Картошку пересчитывает? – изумленно повторила я. – Зачем?

– Чтобы любимому брату на одну больше не положили, – продолжал веселиться Родион.

– Ясно, – протянула я. – Знаю, мужчины не очень любят, когда им брызгают на волосы лаком, и терпеть не могут пудру, но на время съемок придется потерпеть. Уж извини, альтернативы нет...

– Делайте что хотите, мне по барабану, – перебил меня сын Кирилла.

К Насте я вернулась, когда все остальные члены семьи уже были готовы к встрече со съемочной группой. Девочка, одетая в розовые брючки и светло-голубую майку, выглядела мрачнее снеговой декабрьской тучи. Я решила приободрить ее.

– Тебе очень идет этот наряд.

– Он из самого дешевого магазина, – прошептала Настя, – за копейки куплен. А у Родиона фирменные джинсы.

– Большинство звезд Голливуда предпочитает одеваться в демократичных фирмах, – остановила я завистницу. – А у французов считается просто неприличным каждый день носить платья ценой в десять тысяч долларов.

– Ага, а у тебя кофточка от «Прада»! – взвизгнула Настя. – Я видела такую в журнале, знаю, сколько она стоит! Нечего тут пургу мне в глаза гнать.

Я быстро задрала край блузки и показала ярлычок.

– Читай, что написано?

– «Рики Вики», – озвучила Анастасия.

– Совсем не «Прада», не «Шанель», не «Валентино», – улыбнулась я. – Вещь сделана молодой англичанкой, я купила ее в Лондоне в крохотном магазинчике на небольшой улочке. В витрине стоял манекен, мне понравилось, как он наряжен, поэтому я зашла внутрь, за прилавком торговала сама дизайнер. Не помню, сколько заплатила за блузку, но ее приобретение не пробило брешь в моем бюджете.

Настя на мгновение растерялась, потом вновь заорала:

– Врешь! Отрезала лейбл дорогого бренда и приклепала эту «Рики Вики».

– Ты встречала людей, которые так поступают? – усмехнулась я. – Знаю нескольких женщин, которые всегда отрезают от одежды ярлыки. Делают они так потому, что лейблы им

кожу натирают. Слышала о тех, кто нашивает на недорогие изделия бирочки Дольче Габбана, Хлое, Стеллы Маккартни, выдает товар невысокой ценовой категории за изделие всемирно известных брендов. Но с теми, кто маскирует «Прада» под начинающую английскую портниху, мне сталкиваться не приходилось. Назови хоть одну причину, по которой я стала бы это делать?

– Ты прикидываешься несчастненькой, – зашептала Настя, косясь на плотно закрытую дверь спальни. – Убогих жаль, гримерше на бедность больше заплатят, на чай отсыплют.

– Все наоборот, – возразила я. – В моем мире много получают успешные люди.

– Мать теперь так делает! – с вызовом воскликнула Анастасия. – Когда отцу в голову ударила кретинская идея уродам помогать и мы в эту жуть переехали, мамахен все мои красивые, дорогие шмотки в приют отдала, приказала мне ноги вместо лабутенов в говнодавы совывать и дерьмобрюки носить. А сама отстригла со всех своих платьев-костюмов лейблы, приделала к ним ярлыки от фигни и думает, что обманула меня. Ха! Я ей сказала: «Нечестно так! Я хожу в школу в жути, надо мной весь класс ухахатывается – у новенькой одежда хуже всех, меня презирают. А ты по-прежнему в своей любимой «Шанели» засекаешь». И чего она ответила? «Доченька, не выдумывай. Я продала костюмы, отдала вырученные за них деньги в наш фонд строительства Дома

Души. Да и неважно, кто произвел наряд, главное, чтобы он был удобен».

Последние слова Настя проорала во весь голос и тут же захлопнула рот.

– Что у вас происходит? – крикнула из коридора Антонина. – Еще долго? Роза звонила, она через пятнадцать минут подъедет.

– Извините, – громко ответила я, – дернула Настеньку за прядь, вот она и взвизгнула.

– Ничего страшного, – отозвалась хозяйка.

Я взяла брашинг.

– Давай сделаю тебе не косички, а красивые локоны и на веках тоненькие стрелочки нарисую, их никто не заметит, но получится прекрасный эффект.

– Тебя отругают, – после небольшой паузы сказала девочка.

– Если очень уж возмутятся, заплету тебе косы за минуту, – пообещала я. – Насчет макияжа не переживай, я умею делать его невидимым. Ты пользуешься косметикой?

Настя горестно всхлипнула:

– Раньше покупала «Бак», но теперь мне денег не дают. Только рваную купюру на булочку в школьном буфете мать в карман с утра сует.

Я достала из грим-кофра запечатанный подарочный набор.

– Хочешь такой?

– Бесплатно? – опешила Настя.

– Не совсем. Пообещай, что сегодня весь день будешь панинкой, девочкой, которой тебя хотят видеть родители, и вечером получишь подарок, – объяснила я. – Там пудра, румяна, губная помада, тушь, тени – более тридцати разных цветов. Ну, договорились?

Настя уставилась на набор.

– А тебе зачем, чтобы я шоколадно себя вела?

– Хочу побыстрее закончить съемку, – честно ответила я. – Будешь капризничать – работа затянется до полуночи.

Настя замолчала. Я, тоже не говоря ни слова, орудовала феном.

– Один день придуриваюсь и получаю косметику? – спустя некоторое время уточнила Настя.

– Отдам ее тебе перед уходом, – кивнула я. – Если отлично сыграешь сладкую девочку, подумаю о дальнейшем сотрудничестве. Злишься на родителей за то, что они больше не дают тебе денег?

– А ты бы радовалась? – фыркнула Настя. – Падала бы на колени и благодарила: «Мамочка-папочка, спасибоки вам, что в какашке поселили, в дерьмушку одеваете»?

– Мне тоже в детстве не очень нравилось носить то, что приобретала бабушка, – призналась я. – Но я нашла выход, как получать модные вещи.

– Тырила в магазинах? – оживилась Настя. – У меня не получилось защиту содрать.

– Не советую воровать: тебя непременно поймают, – предостерегла я. – Есть способ получше – начинай работать. Станешь получать деньги и тратить их как душе угодно.

– Я еще в школу хожу, – заявила Настя. – По-твоему, мне после уроков чизбургерами надо торговать? Люди, сюда, свободная касса!

– Неплохой вариант, – одобрила я. – Еще можно выгуливать собак соседей по утрам-вечерам. Давай заключим договор? Сегодня ты попробуешь, по плечу ли тебе хорошо сыграть роль девочки-колокольчика. Всем улыбаться и сюсюкать нужно только в присутствии посторонних. Останешься с мамой вдвоем, можешь ее съесть.

– Она старая, невкусная, – хихикнула скандалистка.

– А за сегодняшнее старание получишь этот набор, – продолжала я. – Если до конца съемок продержишься в роли воспитанного ребенка-конфеты, я устрою тебя в «Бак» на разовые показы. Немного заработаешь, получишь бесплатно кое-какую косметику, а еще могут перепасть модные вещи с небольшим браком. Ну, допустим, у платья дырочка на подоле. Продавать его не станут, отдадут своим за бесценок, но ведь дырку нетрудно зашить, никто и не узнает, что шмоточка была повреждена.

Настя резко дернула головой.

– Вау! А ты не врешь?

– Нет, – ответила я.

– Согласна! – подпрыгнула Настя. – Эй, ты чего мне на го-

лове вертишь?

– Косички, – спокойно пояснила я.

– Не хочу этот гадкий причесон, – закапризничала девица, – ты же обещала локоны.

– Девочки-колокольчики, душеньки-пусеньки обычно носят косы, – продолжила я. – Режиссер утвердил именно их. А ты сегодня кто: Настя во всей своей красе или Настя-телевариант? Наборчик «Бак» мне прятать или ты его честно зарабатываешь?

Девица покосилась на запечатанный чемоданчик с палетками-баночками и пробормотала:

– Заплетай косы.

Глава 4

Режиссер Роза, женщина лет сорока, с порога начала хвалить все, что видела:

– Какая милая квартира! Обставлена с большим вкусом, ничего лишнего... Ах, необычайно удобная кухня, все под рукой... У нас сегодня по плану сцена: Родион приходит из института, сестра подает ему обед.

– Она мне в суп ядовитой слюной плюнет, – буркнул парень.

– Прости, милый, ты что-то сказал? – не расслышала Роза. Антонина, которая, в отличие от нее, разобрала фразу сына, округлила глаза. А Родион изобразил счастливую улыбку:

– Если Настя просто супец из кастрюли в тарелку нальет, это неинтересно, никакой движухи. И те, кто фильм смотреть будет, подумают: «Бедная у них мама – готовит, стирает, квартиру убирает, а дочь, лошадь здоровенная, только и умеет суп в тарелку плескать». А вот если Настя сама первое сварит, получится супер.

– Отличная идея! – восхитилась Роза. – Лично мне сцена «девочка с половником» тоже не особенно нравилась. Родион, ты гений! Но я предлагаю расширить сцену: Кирилл с Антониной приходят с работы, ты прибегаешь из института, а в прихожей вас встречает Настя со словами: «Я заждалась! Скорей мойте руки и за стол, я приготовила на ужин...» –

Роза повернулась к девочке: – Какое у тебя коронное блюдо?

Настя опешила:

– Чего?

– Что тебе лучше всего удастся? – уточнила режиссер. – Мы отснимем процесс, камера проследит, как ты готовишь. Бегущей строкой дадим рецепт, это всегда привлекает зрителей.

Школьница замерла.

– Подумай, дорогая, не торопись, – улыбнулась Роза.

– Лучше всего моя сестра кипятит воду, – чуть слышно пробурчал Родион. – А потом, если кипяток остается, ставит его в холодильник, чтобы к утру не испортился.

– Макароны! – нашла выход из неловкой ситуации хозяйка дома. – Настенька прекрасно варит спагетти. Мы их обожаем, и они недорогие. Естественно, используем только российские, итальянские нам не по карману, потому что каждую свободную копейку мы вкладываем в возведение Дома Души. Настюша потом посыпает пасту тертым пошехонским сыром, и получается восхитительно. Правда, доченька?

Настя поджала губы, сдвинула брови, уперла руки в боки... Но тут я тихо кашлянула, и девочка вздрогнула. Она вспомнила про замечательный косметический набор и растянула губы в улыбке:

– Конечно, мамочка. Обожаю макароны варить.

Родион приоткрыл рот, на лице Антонины на мгновение появилось выражение откровенного изумления, а Кирилл,

до сих пор хранивший молчание, спросил:

– Может, начнем?

– Да, да, приступим, – засуетилась Роза. – Саша, Дима, ставьте камеры на кухне... Настенька, надень свой фартук...

Девочка растерянно оглянулась на мать:

– У меня его нет.

– Понимаю, у вас общие фартуки, – сказала режиссер. – Значит, бери любой.

Повисло секундное молчание.

– Мы не пользуемся передниками, – зашебетала Антонина, – они нам не нравятся.

– Не бойтесь запачкать одежду, например, мукой? – удивилась Роза. – Или майонез на кофту капнуть?

– Когда еду из коробки вытаскиваешь и в СВЧ-печку запихиваешь, шмоткам не навредишь, – хмыкнул Родион.

Я ущипнула парня за бок, тот ойкнул и с недоумением посмотрел на меня.

– Не желаешь принимать участие в съемке – уходи отсюда и другим не мешай, – прошипела я.

– Я говорю правду, – тихо ответил студент, – врать некрасиво.

– Супер, – зашептала я, – молодец. Тогда не будешь в обиде, если услышишь правду от меня: ты ведешь себя как идиот.

Родион насупился.

– Все-таки надо прикрыть одежду, – озадачилась Роза, – иначе зритель нас не поймет. Эй, администратор! Миша, сходи скорей в торговый центр у метро, купи...

– У меня есть фартук, – неожиданно сказал Родион и юркнул в свою комнату.

– Прекрасно! – обрадовалась режиссер. – Что ж, начинаем.

– Тесно, – закапризничал оператор Саша.

– Не в первый раз, – остановила его Роза.

– Во! Держи, – запыхавшись, сказал Родя, протягивая Насте пакет.

Девочка быстро вытащила нечто разноцветное, набросила на себя и, встав ко мне спиной, велела:

– Завяжи.

– Отлично получится! – восторгалась Роза. – Все молодцы! Работаем по-зверски!

– Хорошо было бы, если б при этом нам еще по-человечески платили, – ворчливо заметил второй оператор Дима.

– Все, работаем. Мотор, – оповестила Роза. – Настенька идет к шкафу, достает спагетти. Давай, солнышко...

Девочка, стоявшая к нам спиной, повернулась.

– Господи, – ахнула Роза, – это что?

Саша и Дима заржали в голос.

– Отвратительно! – возмутилась Антонина. – Откуда в нашем доме эта гадость?

Я, пытаясь сохранить серьезный вид, смотрела на Настю.

Да уж, фартучек просто восторг. Его украшал принт в виде торса голой грудастой тетки, понятия не имеющей о креме, который удаляет растительность. Настя выглядела потрясающе: голова с трогательными косичками, тонкая шея, потом бюст этак пятого размера, пресс с кубиками, пупок, в котором торчит серьга в виде колокольчика, ниже... э... как бы поприличнее это назвать... интимная зона без эпиляции, а потом две ноги, обутые в практичные туфельки на небольшом каблуке. Завязки и окантовка передника были телесного цвета, так что с первого взгляда и не сообразишь, что на девочке фартук.

– Немедленно сними это безобразие! – распорядилась Монахова-старшая.

– Чего не так? – не поняла Настя, которая не видела изображение на ткани.

Я приблизилась к ней, развязала тесемки и стащила с нее «красоту».

– Откуда в нашем доме эта мерзость? – повторила вопрос хозяйка. – Родион!

– Чесслово не знал, что он такой, – на мой взгляд, честно ответил студент. – Мне его Алиска вчера вечером подарила, в пакете. Сказала: «Там приколы, фартук». Я сверток в сумку сунул и забыл о нем. А сейчас вспомнил.

– Отвратительно! – передернулась Антонина. – Не смей дружить с этой девочкой!

– Милая, это всего лишь неумная шутка, – сказал Ки-

рилл. – Напомню тебе первое правило того, кто хочет сделать свою душу здоровой: никого никогда не осуждать. Родион сам должен решить, хочет он тратить свою прану общения на Алису, какую энергию от нее получит взамен, и лишь тогда он поймет, как должен поступить. Это его душа, его жизнь, его путь. Мы можем лишь дать сыну пример. Скажи, милая, ты бы носила такой фартук?

– Нет! – отрезала Антонина.

Кирилл повернулся ко мне.

– А вы, Степа?

– Маловероятно, – улыбнулась я.

Отец взглянул на дочь.

– Настюша, твое мнение?

– Жесть дерьмовская, – высказалась Настя. Но потом, вспомнив про роль хорошей девочки, быстро добавила: – Так говорят девицы, которые передники с гадкими рисунками покупают. А я отвечу: «Нет, папочка, лучше я свою красивую футболочку запачкаю, но никогда-никогда эту пакость не повяжу».

Я мысленно заплодировала Насте.

– Миша, рыси в торговый центр, – приказала Роза.

– Не надо, – остановила я администратора. Затем сняла с крючка большое кухонное полотенце, голубое в мелкий цветочек, вынула из кофра булавки и, задрапировав ткань крупными складками, закрепила ее на талии девочки. – Так подойдет?

– Супер! – обрадовалась режиссер. – Камера! Мотор! Начали!

Настя подошла к холодильнику и открыла дверцу.

– Спагетти в шкафу на второй полке, – шепотом подсказала мама. – Извините, Анастасия волнуется, ведь впервые стоит перед объективом, поэтому все путает.

– Да, мамочка, – сладко пропела любительница косметики «Бак», – меня прямо колбасит, то есть трясет всю.

– Не переживай, это не прямой эфир, – приободрила ее Роза, – при монтаже лишнее вырежем, получится супериссимо.

Настя порылась в шкафу и достала упаковку, на которой крупными красными буквами было написано: «Растворимый какао «Гномы и Аленушка», стопроцентно натуральные какао-бобы с добавлением тертой сушеной моркови и свеклы».

– Наверное, жуткая дрянь этот напиток, – хмыкнул Дима.

– Солнышко, спагетти в высокой узкой керамической банке, – вновь пришла на помощь дочке Антонина. – Теперь кастрюльку вытаскивай, она внизу, под разделочным столиком. Налей в нее воды.

Настя наполнила гнутую алюминиевую емкость водой из-под крана. Я, увидев утварь, удивилась. Ну и ну! Сколько лет этому монстру? Помнится, во времена моего детства на кухне в гостинице «Кошмар в сосновом лесу»² была подобная

² О детстве Степаниды Козловой рассказано в книге Дарьи Донцовой «Разве-

посудина, в ней варили яйца.

А Настя выхватила из банки макароны, воткнула их в холодную воду и удивилась:

– Мала кастрюля! Не влезают!

Роза вскинула брови, но в этот драматический момент раздался звонок в дверь.

– Розочка, сделайте любезность, откройте, – попросила Антонина.

Режиссер вышла в коридор. Мать живо вытащила спагетти из кастрюли, включила электрический чайник, вылила в алюминиевого уродца вскипевшую воду, водрузила все на огонь и начала медленно опускать в нее длинные трубочки, приговаривая:

– Настенька, деточка, ты слишком эмоциональна, представь, что находишься на кухне одна.

– Вам принесли посылку, – сообщила Роза, входя в кухню.

– От кого? – поразилась хозяйка.

– Мне пакет не отдали, – пожала плечами режиссер.

– Ой, ой, у вас тут что, кино снимают? – заверещал из-за ее спины противный въедливый голос. – Как интересно! Можно посмотреть?

Глава 5

В кухню протиснулась полная пожилая дама, одетая, несмотря на теплый май, в шерстяное платье с меховым воротником.

– Вы знаменитости, да? – с жадным любопытством осведомилась она. – Почему тогда купили квартиру у Родионовых? Она маленькая, тесная, надо было приобрести жилье Кротковых, у них объединены трешка и однокомнатная. Давайте знакомиться. Я председатель ТСЖ, Нина Егоровна Лямзина.

– Очень приятно, – ответила за хозяйку дома Роза, – но мы очень заняты, лучше отложить церемонию вручения верительных грамот на другой день.

– Я не собираюсь мешать, – обиделась Нина Егоровна, – но вы должны были предупредить меня о приезде киногруппы. Общее собрание нашего дома решило, что любые съемки должны проходить с моего согласия. Поэтому сейчас необходимо рассказать...

– В вашем подъезде много знаменитостей проживает? – улыбнулась Роза. – Отчего местный контингент напрягают камеры, а? Вы принесли посылку? Так отдайте ее хозяйке.

– Но есть постановление собрания... – попыталась сопротивляться излишне любопытная тетка.

– Есть закон, – повысила голос Роза, – который гласит:

никто, даже участковый, не имеет права переступить порог чужого жилища без ордера прокурора.

– Дорогая Нина Егоровна, – зачирикала Антонина, – очень вам благодарна за заботу. Давайте бандерольку. Заходите к нам вечером, поговорим по душам.

Лямзина протянула ей пакет, обернутый в светло-коричневую бумагу и запечатанный сургучной нашлепкой.

– Странно, тут нет штампея, – удивилась Роза, – только номер квартиры и надпись: «Антонине Монаховой, лично». Как к вам попала посылка?

Лямзина сложила губы трубочкой.

– Я забочусь о своем здоровье, поэтому всегда хожу по лестнице вверх-вниз пешком, лифтом не пользуюсь. Увидела у ваших дверей сверток и забеспокоилась: вдруг там бомба? Знала, что въехали новые жильцы, может...

– Похоже, кто-то его вскрыть пытался, – перебил оператор Дима, забирая у Антонины упаковку и положив ее на стол. – Сургуч пробовали отковырнуть, но не получилось.

– Пакет уже таким ко мне в руки попал, – закудаhtала Нина Егоровна, – а на почте излишне любопытная Надька работает.

– Люблю нашу почту, – пропел Саша. – Хочешь спрятать труп – отправь его посылкой из одного района Москвы в другой. Но эту посылку кто-то подкинул под дверь. Роза правильно отметила: штампелей нет.

– На что вы намекаете? Я патологически нелюбопытна! –

взвизгнула Лямзина. – Мы живем в условиях угрозы терроризма, подъезд мог на воздух взлететь. Я отвечаю за безопасность жильцов, поэтому взяла опасную вещь и решила отдать непосредственно получателю.

– Отличное решение! – с ухмылкой «одобрил» Саша. – Конечно, нехай новых жильцов в ключья разнесет. Но это нелогично: если квартира Монаховых квакнется, то и остальные пострадают.

Дима вышел из-за камеры и взял Нину Егоровну под локоток.

– Разрешите проводить вас на выход?

– Я еще вернусь! – пригрозила председательница ТСЖ.

– Непременно приходите. Вечерком за чашечкой травяного настоя поболтаем, – сказала ей в спину Антонина.

– Офигела, ма? Реально собираешься с этой жабой чай глушить? – в свойственной ей манере выпалила Настя. Но сразу осеклась и исправилась: – Ой... Мамочка, ты хочешь с этой бабушкой подружиться?

– Степа, сделайте любезность, попудрите мне носик, – попросила хозяйка, сделав вид, что не услышала вопроса дочки.

Я взяла кисточки и начала поправлять безупречный макияж Монаховой.

– Жесть! – заорал Родион. – Бли-ин!

Вздвогнув, я посмотрела на него и поняла: пока все отвернулись от стола, Родя вскрыл упаковку, выудил оттуда ко-

робку и откинул крышку.

– Милый, ты почему так грубо разговариваешь? – укорила сына мать.

– Щаз сблую... – сдавленно сказал парень и опрометью кинулся в коридор.

– Чего там? – засуетилась Настя и в один прыжок очутилась около посылки. – А-а-а-а! А-а-а-а!

Девочка отшатнулась и налетела на Розу. Та отстранила ее, посмотрела на стол и зажала рот рукой.

Мы с Кириллом, Антониной и операторами приблизились к коробке. Меня чуть не стошнило от увиденного.

Внутри в пластиковой упаковке, похожей на те, в которые в магазинах раскладывают готовые салаты, лежало нечто кровавое, отвратительное. Через секунду я сообразила, что это вроде бы куски сырой печени, на которых лежит... человеческий глаз. Рядом с ним блестело обручальное кольцо. Мне безумно захотелось зажмуриться, но лицо закаменело, желудок задергался, по позвоночнику побежали мурашки, а уши вспыхнули огнем.

– К внутренней стороне крышки коробки приклеена записка, – деловито сообщил Саша. – «Монахова, я знаю твой секрет, все вижу».

Побледневшая Антонина рухнула на табуретку. Кирилл продолжал молча рассматривать «подарок».

– Кто это прислал? – взвизгнула Настя.

Саша неожиданно рассмеялся и двумя пальцами взял

глаз.

Роза закрыла лицо ладонями, вскрикнув:

– С ума сошел?

А оператор положил жуткую вещь на стол и пояснил:

– Это конфета. Их в магазине приколов продают.

Тележурналистка опустила руки.

– Глаз не настоящий?

– Нет, – успокоил ее Саша. – Сам такие покупал, племянника пугал. Магазин называется «Веселый вампир», там до фига подобного. Кстати, а вот потроха настоящие, вроде куриные, печень мелкая. Кольцо...

Парень вытащил украшение, повертел.

– Хм, не золотое, очень легкое. Может, латунь или медь.

Правда, я не разбираюсь в металлах. Что скажешь, Дим?

Второй оператор, успевший выпроводить Лямзину и вернуться, тоже стал изучать трофей.

– Не, медь рыжеватая... Думаю, это просто дешевая безделушка, такие в ларьках с газетами продаются.

В кухню влетел Родион.

– Вау! Че, правда, приколы? Я офигеваю! Где такое берут?

– В «Веселом вампире», – повторил Саша. – Там есть марципановые уши как бы отрубленные, черепа из теста и куча подобных жутких сладостей в ассортименте.

Я перевела дух. Удивительно, что мне, прожившей все детство в гостинице с названием «Кошмар в сосновом лесу», где постояльцев пугали печеньем в виде отрезанных пальцев

и разлитой на лестнице фальшивой кровью, не пришло в голову, что коробку прислал шутник-идиот.

– Фу... – выдохнула Монахова. – Кому могла взбрести в голову идея так пошутить? Кирилл, ты как? В порядке?

Супруг молча кивнул.

Я с сочувствием посмотрела на Антонину. Видно, что ее сильно испугал чей-то неуместный прикол. Даже под слоем плотного грима заметно – лицо ее потеряло все естественные краски. И, похоже, она очень любит мужа: в первую очередь поинтересовалась его состоянием, а детям никаких вопросов не задала. Если хотите понять, кто в семье любимчик хозяйки, обратите внимание на то, о ком она позаботится в первую очередь в момент опасности или стресса. Что вы крикнете, услышав про пожар в доме: «Где моя мама? Любимый, скорее беги на выход! Дети, закройте лица мокрыми полотенцами! Боже, моя собака...»? Кого или что схватите, бросаясь на улицу? Шкатулку с документами? Коробку с деньгами? Кошку? Ребенка? Вы могли сколько угодно твердить о любви к дочери, но, если в момент опасности подхватили на руки не ее, а морскую свинку, значит, именно это животное занимает главное место в вашем сердце.

– Кто-то решил развлечься, – пожал плечами Дима.

– Очень глупо, – прошептала хозяйка.

– Дураков на свете много, – философски заметил Саша.

– Посылка точно вам адресована? – усомнилась Роза.

Настя расправила коричневую оберточную бумагу.

– Ага. Номер дома и квартиры верный. И надпись: «Антонине Монаховой, лично». Это точно маме.

– Среди моих знакомых способных на столь дикую выходку нет, – отрезала хозяйка дома.

Дима пошел к камере.

– Вас несколько раз показывали по телику, вы уже стали знаменитостью, а в Москве на один квадратный метр сто психов приходится. Адрес свой скрываете?

– Нет. А разве надо? – удивилась Антонина.

– Кретин прогуглил фамилию, – вступил в беседу Саша, – и припер презентик.

– А зачем он напечатал записку: «Монахова, я знаю твой секрет, все вижу»? – спросила Настя.

– Идиот же, – подвел итог Дима. – Что у дурака в черепушке варится, ему одному известно.

– Митя прав, – подхватил Александр. И продолжил: – Вас раскручивают – значит, на огонек жабы слетятся. Так всегда происходит, обратная сторона известности.

– Нам не нужна слава, мы хотим помочь тем, кто отчаялся, впал в депрессию, предался унынию, – речитативом пропела Антонина. – Чем больше людей узнает о Доме Души, примет участие в его возведении, а потом станет его посещать, тем прекраснее будет жизнь. Правда, дорогой?

Вопрос повис в воздухе – только сейчас я поняла, что Кирилл тихо покинул кухню.

– Можно я глаз возьму? – попросил Родион. – Завтра под-

брошу его Алиске в сумку. Вау! Она помрет!

– Нет, – отрезала мать, – эту дрянь надо выкинуть.

– Подарочек нужно показать полиции, – посоветовала я.

– Зачем? – удивилась Антонина.

– Специалисты вычислят, кто по-идиотски пошутил, и покажут «шутника», – ответила я.

Хозяйка взяла со стола бумажную салфетку, промокнула вспотевший лоб и покачала головой:

– Приятно встретить в наше циничное время молодую девушку, которая верит во всемогущество полиции. Степа, в отделении просто расхохочутся, никто такой ерундой заниматься и не подумает. Эту гадость надо вынести из дома. Родя, брось это в пакет... вон они, в корзинке лежат... и оттащи на помойку.

– Все равно я глаз возьму, – пробормотал себе под нос первокурсник.

– Нет, – ледяным тоном возразила мать.

– Тебе что, жалко? – заканючил юноша. – Мне охота над Алиской прикольноуться.

Роза хлопнула в ладоши.

– Все, забыли о происшествии! Настенька, спагетти уже сварились? Проверь готовность. Ребята, работаем, иначе до вечера даже одну сцену не отснимем. Поскакали... Настюша, твоя задача разложить макароны по тарелкам и посыпать сыром. Потом займемся другим эпизодом. О'кей? Давай, дорогая. Камера! Мотор!

К моему удивлению, Анастасия уже не смотрела на маму как тонущий в бурном водопаде цыпленок. Девочка натянула толстые варежки, уверенно схватила дуршлаг, опрокинула в него макароны, встряхнула их пару раз, потом вытащила одну трубочку и... подбросила ее. Естественно, та упала на пол.

– Недошвырнула, – деловито сказала повариха. – Щас...

Она выудила следующую макаронину и повторила действие. На сей раз спагеттина долетела до потолка и прилипла к нему неподалеку от затрапезной трехрожковой люстры.

– Раз, два, три, четыре, – начала считать Настя.

– Что ты делаешь? – поразилась Антонина.

– Отстань, собьюсь... то есть извини, мамочка, не мешай, пожалуйста, – скороговоркой произнесла дочь. И продолжила: – Пять, шесть... десять... двадцать... тридцать. Не, сырые пока.

Настя перебросила содержимое дуршлага назад в кастрюлю.

Мать подскочила к юной «кухарке».

– Котенок, спагетти уже сварились.

– Ни фига... то есть нет, мамулечка, – запела Настенька. – Для проверки готовности их надо кинуть к потолку. Те, что можно есть, сначала прилипнут к нему, но через полминуты должны упасть. Если висят, их надо доварить. Ой!

Девочка брезгливо сняла с волос свалившуюся макаронину.

– Вау! Может, все же готовы? Она отвалилась.

Из-за спины Розы послышалось хихиканье – Родион, присев на корточки, давился смехом. Мать зыркнула на сына нехорошим взглядом. Я, перехватив его, удивилась: женщина, которая собирает деньги на сооружение Дома Души, не должна так смотреть на родное дитяtko.

– Ну, ваще. Не думал, что она поверит, – выдавил из себя Родион. – Это старый гэг, в Интернете его сто лет назад написали. Не думал, что есть на свете дуры, которые станут макароны вверх кидать... Ой, не могу! Считал, Настька поймет, что я пошутил, когда шепнул ей про это...

Глаза Анастасии потемнели, она прикусила нижнюю губу, наклонила голову...

– «Бак» делает чудесные палетки с тенями, – тихо напомнила я.

Из груди девочки вырвался прерывистый выдох.

– Отлично! – зааплодировала Роза. – Спасибо всем за минуту веселья, а теперь вернемся к работе. Где сыр?

– У нас его нет, – всплеснула руками Антонина, – забыла купить.

– Ерунда, можно заправить майонезом, – подсказала режиссер, – даже лучше получится, народ этот соус обожает. Монаховы сразу станут ближе к простым людям. Провансаль в наличии?

– Баночка в шкафчике, – тут же предупредила Антонина дочку. – У нее красная крышечка, она легко сворачивается.

Не перепутай цвет – красная крышка.

– Супериссимо! – ликовала Роза. – Второй эпизод. Настюша подает собственноручно приготовленный ужин семье. Папа, мама, брат, скорее по местам...

– Кирилл! – крикнула жена. – Дорогой, иди сюда!

Глава 6

В кухне появился Монахов, я подошла к нему.

– Придется синяки под глазами корректором убрать.

– Спасибо, – тихо ответил он, наблюдая, как операторы переставляют камеры.

– Разрешите поправить рубашку, – сказала я. И, не дожидаясь ответа, начала закатывать левый рукав. – Простите за совет, но если вы без пиджака, то сорочка так лучше смотрится... Ой, вас кто-то укусил!

– Где? – удивился Кирилл.

– На предплечье красный след. Неужели уже появились комары? Если в доме есть валокордин, можно накапать его на ватный диск и приложить к месту укуса, – посоветовала я. – Моя бабушка всегда так поступает.

– Комаров здесь много, – поморщился хозяин, – в доме есть подвал, похоже, насекомые там гнездятся. Ерунда, не стоит хлопотать из-за пустяка. Вы читали мои книги про Путь Души?

– Не успела, – честно ответила я, – и меня больше интересуют издания по истории моды и детективы.

– Подарю вам пару экземпляров с автографом, – пообещал Монахов. – Никогда не поздно переосмыслить свою жизнь. Поверьте, даже самые тяжелые...

– Милый, мы ждем тебя! – крикнула Антонина.

– Все готово, – отозвалась я.

Кирилл, оборвав фразу на полуслове, поспешил к столу, за которым уже сидели жена и сын.

– Камера, мотор, зажигаем по полной, – объявила Роза. – Настенька, давай... Помнишь, что надо делать?

Девочка кивнула, схватила миску с едой, приблизилась к брату и проворковала:

– Родион, я сделала твои любимые спагетти.

– Спасибо, дорогая сестра, – фальшиво-сладко прокурлыкал первокурсник, – ты потрясающе готовишь.

Настя быстро наполнила тарелку парня.

– Пожелай ему приятного аппетита, – тихонько подсказала Роза.

Девочка покорно произнесла требуемые слова.

Родион схватил вилку и начал наматывать на нее трубочки, щедро сдобренные майонезом.

– Надо поднять, как юноше нравится ужин, – не успокаивалась режиссер. – Дима, возьми его крупным планом, плиз.

Родя запихнул вилку в рот, замер, потом выплюнул спагетти.

– Ваще, блин!

– Родион, – возмутилась Антонина, – выбирай выражения! Неужели невкусно?

– Блевотина. Сама попробуй, – недовольно произнес Родион.

Мать взяла одну макаронину.

– Ну и как? – поинтересовался сын. – Может, Настьку на международную олимпиаду поваров послать? Первое место стопудово возьмет. Вау! Мама, ты это проглотила? Ну прямо женщина-кошка, та тоже дерьмище хавала.

Монахова встала, подошла к разделочному столику, осмотрела пустую банку, из которой дочь вытряхивала майонез, и не сдержалась:

– Я же сказала: провансаль под красной крышкой. А ты взяла банку с синей.

– Какая разница? – хмыкнула дочь. – Банки совершенно одинаковые, везде белый соус.

– Всегда нужно читать этикетки, – продолжала Антонина, – тогда не случится конфуза.

– Вечно все ко мне придираются! – вскинулась было Настя. Но тут же замела хвостом: – То есть да, мамочка, не сердись.

Родион вскочил, выхватил из рук матери злополучную банку и заорал:

– Вау! Сеструха вместо майонеза забабахала сгущенку в спагетти.

Оператор Саша издал стон. Дима выключил камеру и сел на табуретку.

– Иди готовь заново, – веселился брат. – Будем еще раз с утра ужинать твоей вкусняшкой-рыгаловкой.

Роза посмотрела на часы.

– Из графика кошмарно выбиваемся. А вы не можете

съесть то, что уже готово?

– Макароны со сгущенным молоком? – уточнил глава семьи.

– Да, да, – закивала Роза. – На экране ведь непонятно, что за соус в тарелках. Спагетти часто едят с майонезом, никто не усомнится.

Я попятилась в коридор, искренне жалея несчастных Монаховых. Однако трудная им предстоит задача, в меня бы приторно сладкая паста не полезла. Хотя делают же в Лондоне пудинг из говяжьей печени с ванилью и корицей. Говорят, многим сие блюдо нравится. Где у Монаховых туалет?

Обычно в московских квартирах, построенных в двадцатом веке, санузел находится впритык к кухне. Советские архитекторы считали, что ничего плохого в таком соседстве нет. Ну пьет жена чай с пирожным, а мужу спешно захотелось посетить уголок задумчивости. В чем проблема? Не должен у супруги аппетит портиться, она же любит своего спутника жизни. Неужели из-за чьей-то брезгливости устраивать сортир ближе к прихожей?

Заметив небольшую дверь, я машинально поискала выключатель, не нашла и шагнула в темное пространство. Пошарила рукой по стене, нащупала клавишу, нажала на нее. Вспыхнул свет, и в ту же секунду мне стало ясно: я попала в крохотную гардеробную, которая объединена с кладовкой, где хранятся разные мелочи.

У Монаховых не особенно большая трешка, в ней прожи-

вает четыре человека. Хозяева сделали из одной комнаты две спальни для детей, в другой живут сами, а кухню объединили с гостиной. Ума не приложу, как они выкроили еще и чуланчик? Я уже хотела выйти, но заметила висящий на плечиках жакет из темно-синего материала с вышивкой на манжетах, воротнике и карманах. Присмотревшись к нему, я удивилась – точь-в-точь такой видела недавно в Милане на показе Робертино. Но тут же подумала: маловероятно, что Антонина, экономящая на продуктах и покупающая «настоящий какао» с примесью сушеной моркови, может позволить себе одежду от-кутюр. Жакетик определенно фейковый, но очень хорошо шит.

Я пощупала рукав и удивилась еще больше. Обычно подделки мастерят из дешевых тканей, швы у них косые-кривые, края не обработаны. А этот прикид из прекрасной шерсти, шит явно по всем правилам. Я поднесла манжет поближе к глазам и опешила.

Два года назад моя знакомая Лена Воробьева, классная вышивальщица, устроилась на работу к Робертино. Попасть в команду культовой фигуры мира моды – великая удача для женщины, зарабатывающей на кусок хлеба с ветчиной с помощью иголки с ниткой, и Лена до дрожи боится потерять работу. Поэтому она каждый искусственный камушек притачивает тщательно, обязательно завязывает четыре узелка, потом делает около страза три стежка. Пашет Воробьева сутками, свободного времени у нее почти нет. Как-то

раз, приехав в Милан, я позвала ее попить кофейку. Она прибежала, но через четверть часа стала нервничать:

– Степа, мне пора уходить! Я должна юбку на манекене кристаллами расшить, боюсь, не успею.

– Может, тебе отказаться от трех фирменных стежков и четырех узелков? – предложила я. – Никто из мастериц этого не делает. У тебя из-за патологической ответственности совсем не остается времени на отдых.

– Нет, нет! – испугалась Лена. – Вдруг декор оторвется? Клиентка пожалуется, Робертино меня выпрет... Ты же знаешь, какие дамы у нас наряды заказывают, огромные деньги за них выкладывают.

И это правда, платья, которые скроил сам маэстро, стоят очень дорого.

Сейчас я не отрывала глаз от темно-синего жакета. Яркие бусинки на нем явно пришиты Воробьевой, в том нет сомнений: вот ее фирменные узелки и бесконечные стежки. Но ярлычок, прикрепленный чуть ниже воротника, свидетельствует, что пиджачок произведен в... Китае. Имя модельера не указано. Кто-то отрезал опознавательный знак Робертино и заменил его на другой! И зачем это делать?

Не в силах сдержать любопытства, я осмотрела вешалки. В гардеробной, похоже, только одежда хозяйки. Все вещи, если верить лейблам, сделаны никому не известными фирмами, но я, девушка фэшн-бизнеса, узнала кое-какие модели. Вон те желтые брюки в ярких цветах пару сезонов назад

восхитили многих на показе Дольче Габбана, а бежево-розовый пиджак – модель Стеллы Маккартни и прелестное голубое платье тоже от нее. Но лейблы, приделанные к шмоткам, говорили иное. Странно... Я не знаю ни одной женщины, которая, имея возможность носить вещи от самых дорогих брендов, стала бы срезать фирменные этикетки и заменять их на другие.

В полном недоумении я погасила свет, вышла из чуланчика, столкнулась с Антониной и смутилась:

– Простите, ищу туалет, думала, он тут.

– Санузел у нашей с мужем спальни, – пояснила хозяйка. – Мне не понравилась изначальная планировка, при которой ванная комната и туалет располагались рядом с кухней, поэтому я немного переделала квартиру.

– У вас там очень красивый жакет висит, – не сдержалась я, – похож на произведение Робертино.

– Правда? – обрадовалась Антонина. – Очень приятно именно от вас, человека моды, это слышать. Грешна, люблю наряжаться.

– Сама такая же, – улыбнулась я. – Прихожу в восторг при виде платьев от Стеллы Маккартни, но ее модели очень дороги, не могу себе позволить их часто покупать.

Монахова приложила палец к губам.

– Тсс... Открою вам небольшой секрет. У меня есть подруга, гениальная портниха, она может повторить любую увиденную вещь. Лиза шьет мне обновки и ни копейки не бе-

рет за работу.

– На жакетике ярлычок от китайской фирмы, – ляпнула я.

И прикусила язык. Степа, сейчас Монахова рассердится и будет права. Ужасно некрасиво, придя в чужой дом, шарить в хозяйской гардеробной. Вообще-то я никогда так не поступаю. И что сегодня на меня нашло? Какая пьяная муха меня укусила?

Но Антонина не стала злиться, а тихо захихикала:

– Ну да. Елизавета всегда притачивает ярлык: «Made in China».

– Зачем она это делает? – поразилась я.

Монахова развела руками.

– Я задала ей тот же вопрос и услышала: «Не хочу, чтобы меня обвинили в пошиве контрафакта, пусть все думают, что шмотки китайцы тиражируют. У нас с Лизочкой бартер: она мне прекрасные вещи, а я ей в подарок виниры, импланты, пломбы.

Я машинально потрогала языком один зуб, на который давно следовало поставить коронку.

– Выгодное сотрудничество. А с других ваша подруга дорого берет? Может, она и мне что-нибудь сошьет?

Антонина смутилась.

– Простите, Степа, но Елизавета кандидат наук, искусствовед, работает в музее. Портняжничество – это ее хобби, а не способ заработка. Лизочка только мне такую услугу оказывает.

– Жаль, – вздохнула я. – Отличить ее пиджак от того, что сделан Стеллой Маккартни, невозможно. Если она вдруг решит уйти из мира искусства, пусть позвонит мне. Гарантирую: ее с руками оторвут, причем не московские, а парижские модные дома. Вы уже досняли ужин?

– Слава богу, да, – кивнула Антонина. – Сейчас Роза предложила немного отдохнуть, потом будем дальше работать. Хотите кофейку?

– Лучше чай, – попросила я.

– Фруктовый? – любезно предложила хозяйка.

– Было бы здорово, – сказала я. – Но сначала, если разрешите, я загляну в ваш туалет.

– Конечно, – кивнула Монахова. – Он слева, на двери совсем не оригинальная картинка с писающим в горшок ребенком.

Санузел оказался меньше некуда, зато был отдельным. Я вышла из крохотного помещения и, желая помыть руки, толкнула соседнюю створку, полагая, что за ней находится ванная. Но моему взору открылась спальня. Похоже, Монаховы-старшие отвели себе самую просторную комнату. Вместо широкого супружеского ложа тут у разных стен стояли две кровати, разделенные тумбочками и парой кресел, втиснутых между ночными столиками. Такой интерьер бывает в трехзвездочных отелях, в так называемых двухместных номерах. Правда, в гостиницах не увидишь плюшевых игрушек, а здесь на одной из полок на стене сидел сильно потре-

паннный жизнью медведь, скорее всего, любимец из детства хозяйки.

Я сделала пару шагов, приоткрыла очередную дверь и наконец-то попала в узкую пеналообразную ванную. До сегодняшнего дня мне, вот уже несколько дней готовящей Монаховых к съемкам по утрам, не приходилось заглядывать сюда: я всегда протираю руки влажными салфетками и стараюсь не посещать туалет у клиентов.

У Монаховых, похоже, на самом деле с деньгами не гу-сто. На раковине стояло самое дешевое мыло для рук, отчаянно пахнущее персиком (как специалист в косметике, хочу напомнить: имейте в виду, если средство имеет сильный аромат и густо пенится, в его составе нет ничего натурального). Еще здесь были зубные щетки, паста «Ягодка», шампунь «Малыш» и крем для лица «Машенька».

В моем кармане ожил телефон, и я вытащила трубку.

Глава 7

– Как дела? – спросил Купер.

– Настя сначала кидала сваренные макароны к потолку, а потом утопила их в сгущенке, – наябедничала я.

– Что у вас происходит? – не понял собеседник.

Я рассказала о потугах девочки изобразить опытную повариху, и Купер развеселился.

– Ты пообещала вредному подростку косметический набор за примерное поведение?

– У меня всегда есть при себе подарки, – пояснила я, – использую их в рекламных целях. В случае с Настей получилось сразу два плюса: она перестала капризничать, а завтра притащит презент в школу, похвастается им перед одноклассницами, девочки захотят такие же палетки, поедут в наши фирменные магазины, и у нас появятся новые покупатели.

– Гениально! – восхитился Куп.

– Ну, это до меня придумали, – смутилась я, – не изобретала велосипед, катаюсь на готовом.

– И, как вижу, бойко крутишь педалями, – продолжал собеседник. – А кое-кто, даже если ему дадут самый современный, навороченный велик, поленится или побоится рулить им. Но почему у тебя голос взволнованный? Что-то случилось?

Я рассказала Куперу про посылку.

– Конфета в виде человеческого глаза, куриные потроха и обручальное кольцо? – повторил он.

– Не золотое, – уточнила я, – вроде обычный металл с желтым напылением.

– Содержание записки точно помнишь? – деловито осведомился добрый джинн.

– «Монахова, я знаю твой секрет, вижу все».

– М-да... – крикнул Купер. – Не нравится мне этот прикол. Похоже на дело рук психа.

– Вот-вот, – согласилась я. – И это опасно. Неадекватный человек непредсказуем – сегодня отправляет куриную печень, а завтра нападет на жену Кирилла с ножом.

– Почему ты решила, что объект ненависти именно она? – не понял Купер.

– На оберточной бумаге было написано: «Антонине Монаховой, лично», – напомнила я, – значит, пакет адресовался не Кириллу. Хотя это странно.

– Почему? – снова не понял джинн-многостаночник.

Я попыталась дать объяснение:

– Сумасшедшие, как правило, пристают к известным людям, а вдохновителем Дома Души является Кирилл, он организатор проекта. Его имя стоит на обложках книг, портреты Монахова появляются в прессе, он засветился на экране. А жена держится в тени. Кстати, сегодня Антонина делала замечания детям, помогала Насте варить макароны, но,

когда все сели за стол, центром внимания стал глава семьи. Пока же шла подготовка к съемке, записывали сценку приготовления спагетти, он проронил всего пару слов, ни во что не вмешивался, казался сонным, апатичным. Но едва все четверо начали якобы ужинать, Кирилл преобразился, стал вещать на камеру о Доме Души, о том, как пополнить запасы энергии, и так далее. Психопату следовало зациклиться на Монахове, а не на скромно стоящей за его спиной Антонине. Я думаю, надо вызвать полицию.

– Нет, нет, никакого шума! – встревожился Купер. – Сейчас приеду. А насчет психов ты не права. Если у человека реально съехала крыша, он агрессивен, ему все равно, в кого воткнуть консервный нож: в известную всей стране личность или в самого обычного горожанина. У серийного убийцы всегда есть типаж. Допустим, он лишает жизни только брюнеток в красном пальто, значит, блондинку в синем свитере никогда не тронет, более того, если той понадобится помощь, маньяк ее окажет. На звезд нападает особая группа безумных: это либо оголтелые фанаты, либо те, кому певец-артист-телеведущий-писатель-спортсмен поперек горла встал. Первые, скажем, не в состоянии простить кумиру проигрыша на соревнованиях, или им не понравилось какое-то его высказывание в прессе, вторые просто не переносят всех знаменитостей. И частенько под прицелом оказываются члены семьи известных людей. Жены популярных певцов могли бы рассказать не одну историю, связанную с нападением

на них обезумевших поклонниц мужей. На мой взгляд, ничего удивительного в том, что мерзость прислали Антонине, нет. Но полиция тут не поможет. Куриная печень, кольцо, записка – всего лишь мелкое хулиганство, напрямую жизни Тони не угрожают, не обещают ее застрелить, зарезать. Где сейчас пакет с «подарочком»?

– Не знаю, наверное, в помойном ведре, – предположила я.

– Достань его и спрячь до моего прихода, – велел Купер. – И не гони волну. Андрею Бурякову шум не понравится, у Кирилла должен быть безупречный имидж, его все обязаны любить. Вспомни, какие деньги телемагнат платит тебе за помощь на съемках, и уж не побрезгуй, поройся в объедках Монаховых. Отдам мерзость приятелю, он криминалист, авось что-то выяснит.

– Уговорил, я потопала на кухню, – вздохнула я.

* * *

Пластиковое ведро под мойкой оказалось идеально чистым. Его внутреннюю поверхность покрывал новый голубой полиэтиленовый пакет.

– Че ты там ищешь? – проявила любопытство Настя.

– Хотела презент от неизвестного найти, – пробормотала я.

– Мама же при тебе велела Родьке дерьмо в бак на улице

выкинуть, – сказала девочка. – Кстати, он палец порезал. Так ему и надо!

– Твой брат поранил руку? У меня есть мирамистин и пластырь, могу ранку промыть и заклеить, – предложила я.

– Обойдется, – фыркнула девочка. – Родька хотел глаз вытащить, он неглубоко лежал, а сверху ампула разбитая валялась, брат на стекляшку пальцем и наткнулся. Мама как раз в этот момент вошла, сыночка своего любимого за то, что решил ее послушаться, отругала. Папе тоже влетело за неаккуратность – ампулу просто так швырнул, в бумажную салфетку не завернул.

– Твой отец себе уколы ставит? – спросила я.

– Вечно он то таблетки глотает, – скривилась Настя, – то со шприцем возится, по два раза в день инъекции делает. Забыла, как его болячка называется, она не заразная.

– Диабет? – предположила я.

– Во! Точняк! – обрадовалась подсказке девочка. – А почему у тебя при себе мирамистин?

– Мало ли что на съемках случится может, вдруг кто-нибудь порежется, как Родион, а аптечки под рукой не окажется, – пояснила я. – Да и у многих людей дома ни йода, ни зеленки нет.

– У нас девчонки в классе тоже мирамистин с собой таскают, туалет им в школе обливают, там такая грязь... – Настя прищурилась и резко сменила тему разговора: – У тебя есть любовник?

На секунду перед моими глазами возникло улыбающееся лицо Филиппа Корсакова³, но я прогнала видение и спокойно ответила на бесцеремонный вопрос:

– Сейчас у меня нет времени на личные отношения, работы много.

– А-а-а... – протянула Настя. – Когда я в новую школу перешла, девчонки стали ко мне приматываться: «С кем живешь? Он кто? Какая у него машина?» Я сдуру ответила: «Нет времени на переписку, родители велят на пятерки учиться». После этого все меня отстоем считают, потому что я ни с кем не сплю. В гимназии, где я раньше училась, у нас с Серегой Марковым любовь мutilась, но после переезда сюда нам очень далеко друг к другу ездить. Я теперь понимаю: если человек врет, что ему работа не позволяет личную жизнь вести, значит, он просто одинок. Мне нужно было одноклассникам лапши на уши навешать, а я ступила и оказалась в аутсайдерах. Хочу Сереге позвонить, попросить его как-нибудь после уроков встретиться и на глазах у девчонок врасос поцеловаться, тогда они меня в свою компанию примут. Хотя лучше кого-то повзрослей найти. У Родьки в группе учится Малкин, он всегда небритый, народ думает, что ему лет тридцать. И тачка у Иосифа крутая. Да, пожалуй, надо с ним договориться.

³ История отношений Филиппа Корсакова и Степы рассказана в книгах Дарьи Донцовой «Княжна с тараканами», «Лунатик исчезает в полночь», издательство «ЭКСМО».

– В твоём новом классе у каждой девочки есть возлюбленный? – уточнила я.

Настя дернула плечами.

– Конечно. Им подарки дарят, деньги дают на покупки. Некоторые даже мужиков тасуют постоянно. Например, Анька Стефаненко. Она сначала с Ахметом с рынка три месяца шпили-вили, тот ей серьги принес, браслет, свитер. Аньке жидковато показалось, вот и перебежала к Володке, хозяину магазина электротоваров.

Она вдруг засмеялась.

– Дурнее Вовки не найти. Как думаешь, что он Ане на днюху припер? Не старайся, не сообразишь, – гладильную доску с утюгом. Ржачка! Когда Анька рассказала, весь класс покатывался. Теперь у нее Серега. Он немолодой, ему больше тридцати, преподает в университете, свозил Аньку в Грецию, шубу ей там купил.

– Мать Анны отпустила несовершеннолетнюю девочку со взрослым мужчиной на море? – возмутилась я.

Настя чихнула.

– А че? Стефаненко же бедные, денег нет. Серега и маманьке манто приволок, продукты им покупает. Но я это не одобряю, на проституцию похоже. Вот Оля Пасынкова с одним Леней трахается, давно уже, месяцев восемь, это хорошо. А как Анька от одного к другому скакать – фу-у-у...

– На одноклассников девочки внимания не обращают? – продолжила я беседу.

Настя поднесла два пальца ко рту.

– Бе-е... Блевотина... Кретины! Мальчишки играют на компах в танки. На Восьмое марта подарили нам кружки по сто рублей, денег-то у них нет. Ленка Шершнева от тоски пошла в киношку с Витькой. И чего вышло? Тот купил ей сахарную вату за копейку, даже на попкорн ему не хватило, а как только свет погас, к Ленке полез. Типа, давай прямо тут, в зале, я тебя угостил, теперь твоя очередь. Ленка ему на макушку вату приклеила и ушла.

– Молодец, – одобрила я незнакомую Шершневу. – Надо себя уважать, нельзя связываться с такими парнями.

– Конечно, – согласилась Настя. – Нормальную девушку надо сначала в кино отвести, потом в кафе, купить ей... ну... там косметику, сережки, кофточку и только потом в постель тащить. Ухаживать надо долго, неделю, не меньше. Ведь так?

Я не нашлась что ответить. Но тут, на мое счастье, в кухню вошел Купер и сказал:

– Привет! День сегодня – супер. Все прекрасно.

Настя скорчила рожу и ушла.

Куп тронул меня за плечо.

– Что-то случилось? Видок у тебя, как у козы, которая поняла: ей предстоит выйти замуж за жирафа.

Я потрясла головой.

– Пообщалась с Настей на тему любви. Интересно, Антонина в курсе, что одноклассницы ее дочери спят с мужчинами, получают от них подарки и что рейтинг девочки

в коллективе зависит от того, какой у нее парень? Я в Настинном возрасте мечтала исключительно о романтической любви с прекрасным принцем, о сексе не думала.

Купер воздел руки к небу.

– О времена! О нравы! Бог весть, когда эти слова произнесли впервые, и с тех пор они не теряют актуальности. Не заморачивайся воспитанием чужого ребенка: тебе платят за другое. Если хочешь исполнить роль гувернантки, то за другие, гораздо большие деньги. Ну и где посылочка?

– Родион ее в бак на улице оттащил, – ответила я.

Купер резко повернулся.

– Понял. Лечу к ресторану бродячих кошек.

Глава 8

Дома я оказалась около девяти вечера. Открыла холодильник, посмотрела на увядший пучок укропа и отправилась в ванную. Ехать ужинать в кафе сил нет, идти в ближайший супермаркет – тоже. Можно поскрестись к Агнессе, она меня с удовольствием накормит, но потом придется часа два слушать ее болтовню, разговаривать с Базилем, которого после некоторых событий мне не очень-то приятно видеть⁴. Лучше приму душ, лягу в кровать, посмотрю любимый сериал. Кажется, где-то у меня завалялась шоколадка...

Я обшарила кухонные шкафчики, не обнаружила даже смятого фантика и приуныла. Но потом меня осенило – дорожная сумка! Две недели назад, улетая из Лондона, в аэропорту Хитроу в дыоти-фри я купила конфеты, какое-то печенье и вроде не все съела, потому что в самолете дали неожиданно вкусный ужин.

И точно. Вытащив из шкафа баул и заглянув в него, я издала победный клич команчей. Ура! На дне лежали набор замечательных шоколадок, коробочка традиционных английских бисквитов и упаковка с кексами. А в кухне есть банка с любимым фруктовым чаем. Ну, сейчас попирую!

В прекрасном настроении я снова поспешила в ванную,

⁴ События, о которых вспоминает Степанида, описаны в книге Дарьи Донцовой «Лунатик исчезает в полночь», издательство «Эксмо».

но притормозила и вернулась в гостиную. Выключила мобильный, выдернула из розетки штекер стационарного телефона. Отлично знаю: если мне хочется спокойно принять душ, а потом с наслаждением поужинать в кровати, в момент, когда рука поднесет ко рту вкусный кексик, непременно позвонит кто-нибудь с работы и начнет грузить меня какой-нибудь ерундой. Или звякнет Белка. Я очень люблю бабушку, но беседы с ней никогда не длятся менее получаса, чай за это время, конечно же, остынет. Каждый человек имеет право на маленькое счастье, поэтому сейчас я временно оборвала все контакты с внешним миром.

Бодро напевая веселую песенку, я приняла душ, намазалась кремом, сделала из мокрых волос на макушке «пальму» и потопала на кухню. Водрузила на поднос чашку, чайник, коробку конфет, вазочку с печеньем, тарелку с кексами, оттащила все в спальню, поставила на тумбочку, взбила две подушки, занырнула под уютное одеяло, включила сериал, взяла кекс, вдохнула аромат ванили и специй, открыла рот... И тут раздался звонок в дверь.

Я замерла. Кто может притащиться в гости в начале одиннадцатого, предварительно не договорившись? Звягин сейчас в Париже на деловых переговорах, Арни улетел с ним. Варя Кондакова, близкая подружка, месяц назад вышла замуж и занята только супругом. Есть еще несколько человек, способных явиться без предупреждения, но все они сейчас не в России: кто в Милане, кто в Лондоне, кто в Нью-Йорке.

Следовательно, на лестнице Агнесса. И что у нее случилось? У Магды завелись блохи? Или у собаки от неумеренного обжорства открылся понос? Но зачем тогда ей понадобилась я? Надо звать ветеринара Пашу...

Звонок повторился. Сама того не желая, я занервничала. Несси деликатна, если ее сразу не выпускают в квартиру, она отправится к себе. А вот Базиль настойчив, значит, скорее всего, за дверью он.

Противный звук не утихал – незванный гость упер палец в кнопку и не собирался уходить. Я вскочила, замоталась в халат и побежала в прихожую, где, не посмотрев на домофон, резко распахнула дверь, чтобы высказать внуку Несси все, что о нем думаю. Но – молча попятилась...

– Ой, какая ты хорошенькая! – умилился Купер. – Просто зайнька! Причесочка – класс, тебе всегда надо так ходить. Привет! Я привез вкусный ужин из «Чаемании». Все твое любимое. Эй, ты занята? Не одна сейчас?

Я вспомнила о хорошем воспитании и криво улыбнулась:

– Входи.

– Супер! – обрадовался Куп и пошагал по коридору. – Чем так приятно пахнет? Вроде ваниль и какие-то специи?

Я решила ни за что не рассказывать про английские кексы и фруктовый чай.

– Это крем для тела.

Купер начал выкладывать на стол коробки.

– Восхитительный аромат. Как насчет салата с цыплен-

ком? Ты сиди, я сам все разложу.

– Что случилось? – насторожилась я.

Куп замер с ложкой в руке.

– Ничего.

– Ты приехал просто так? – усомнилась я. – Без дела?

– Подумал, что ты весь день работала, – завел гость, – захочешь перекусить, поленишься рулить в кафе, вот и решил поухаживать.

– А-а, – протянула я.

– Неужели я не могу доставить приятной девушке ужин? – театрално возмутился Купер, ставя передо мной тарелку.

– Мы знакомы недавно, и отношения у нас не такие, чтобы ты примчался вечером, предварительно меня не предупредив, – возразила я, втыкая вилку в кусок куриной грудки.

– Звонил многократно, но ты не брала трубку, – отбил подачу гость.

Я вспомнила про отключенные телефоны.

– Да ну? Наверное, не слышала из-за шума воды. Душ принимала.

– Вчера я ходил на премьеру в театр Авдонины, – завел светскую беседу Купер. – Представляешь, они поставили пьесу по роману Милады Смоляковой. Опустились до бульварной литературы, до этого-то ставили исключительно философские произведения.

– Наверное, народ не хочет задумываться о неминуемой смерти от тяжелых болезней, – ответила я. – И что плохого

в Смоляковой?

– Она тебе нравится? – удивился Купер.

Я открыла коробку с пирожками.

– Почему нет? Если предстоит лететь на самолете, я всегда покупаю в аэропорту ее очередную книжку. Литература делится на жанры, Смолякова вспахивает развлекательный сектор, глупо ждать от нее историй про то, как изменить политическую обстановку в мире. И ругать Смолякову неумно. Леди Гага не поет в опере, но ты же ее не презираешь? И Майкл Джексон никогда не исполнял партию Евгения Онегина. Каждый должен использовать свой талант, чтобы радовать слушателей, читателей, зрителей. Комедии типа «Бриллиантовой руки» никак не фильмы Ларса фон Триера, но разве от этого любимое кино стало хуже? Культура как еда: утром хороша каша, в обед котлета, вечером салат, в дороге бутерброд, в ресторане сложное блюдо, дома сосиска.

– Упс, я разозлил тебя, – пробормотал Купер. – Вот уж это никак не входило в мои планы.

Я улыбнулась.

– Редко сержусь, не вижу в этом смысла. И уж точно не стану плевать огнем из-за книг Смоляковой. Просто менястораживают люди, которые кого-то презирают или ненавидят. Как правило, у таких субъектов завистливая душа, комплекс неполноценности, и они неудачники. Я часто работаю со звездами первого эшелона и заметила: чем

выше человек взлетел, тем проще он в общении, толерантнее к тем, кто тоже добился успеха.

Купер поднял руки.

– Все-все! Растоптан! Повержен! Выбрал не ту тему, чтобы тебе понравиться. Давай потрепемся о модных тенденциях. Какой цвет главный в будущем летнем сезоне? Розовый?

Я рассмеялась.

– Ну, наконец-то айсберг подтаял, – обрадовался гость.

– Какие у тебя планы? – спросила я.

– Что? – не понял Купер.

– Минуту назад ты пробормотал, что сердить меня не входило в твои планы, – напомнила я. – Вот и хочу узнать подробности. Насчет этих самых планов.

Гость отодвинулся от стола.

– Говорил мне Франсуа, что с тобой нельзя беседовать как с блондинкой. А я ему не поверил.

– Отлично, начинаем диалог заново, – предложила я. – Зачем пришел?

Купер оглянулся по сторонам.

– Где у тебя чайник?

– На столешнице между плитой и мойкой, – указала я.

Купер пошел за чайником.

– Мой бизнес – помощь людям в разных ситуациях.

– Помню, – кивнула я.

– Сейчас расскажу, как все начиналось, – вздохнул Купер.

пер. – Ты не против послушать?

Хотелось ответить честно: «Я устала, намеревалась лечь спать, завтра рано вставать». Я посмотрела на пустые корочки из-под еды, поймала напряженный взгляд Купера, поняла, что он нервничает, и произнесла совсем другое:

– Что случилось?

– Придется отнять у тебя некоторое время, – вдруг смутился собеседник.

– Начинай, – велела я, пересаживаясь на диван.

Купер опустился в кресло и завел рассказ.

...В конце девяностых он, тогда еще не всемогущий джинн, волшебная палочка и Тот Кто Все Может, работал в фирме, которая торговала разными биодобавками. Парень понимал, что в банках-коробках находится ерунда, неспособная избавить человека от ожирения, но ему крайне требовались деньги. Впаривая наивным людям упаковки с названием «Жирстоп», Куп всегда вручал листовку, где перечислялись продукты, которые нельзя употреблять вместе с чудодейственным средством. Колбаса, соленья-копченья, майонез, сливочное масло, хлебобулочные изделия, сахар, пирожные, алкоголь – все это было под запретом. Примерно тридцать процентов клиентов, в основном женщины, действительно теряли килограммы и восхваляли «Жирстоп» на все лады. Почему-то никому не приходило в голову: БАД никоим образом не уменьшает «бублики» вокруг талии и живота, люди просто перешли на здоровое питание, заня-

лись физкультурой, вот вес и снизился, фигура подтянулась. Худели лишь те, кто послушался совета и исключил из рациона вышеназванные продукты, начал посещать спортзал. Но народ наивно верил листовке, приложенной к упаковке, а в ней сообщалось, что «Жирстоп» активизирует обменные процессы, укрепляет иммунитет, ну и так далее.

У Купера сложился свой круг покупателей. Среди них был тучный мужик, которого парень считал военным. Дядька каждый месяц покупал одну коробку и просил привозить ее к станции метро «Университет». Вообще-то Куп не доставлял заказы, состоящие менее чем из десяти позиций, но Виктор Сергеевич Гранаткин ему нравился, внешне дядька напоминал ему рано умершего отца. К тому же распространитель БАДов снимал тогда комнату в квартире на Ломоносовском проспекте, что как раз недалеко от этой станции.

Глава 9

Однажды в конце ноября, отдавая Виктору Сергеевичу очередную упаковку, Купер сказал ему:

– Под Новый год стартует акция: возьмете в декабре две упаковки, третью получите бесплатно и еще подарок.

Гранаткин замялся.

– С деньгами у меня сейчас не очень.

– Неужели военным мало платят? – удивился Куп. – Вы же, наверное, не салага-лейтенант.

Гранаткин с интересом посмотрел на него.

– Почему ты решил, что я при погонах?

– Не знаю, – смутился Купер, – мне так показалось. Ошибся?

– Зарплата нормальная, – не отвечая на последний вопрос, продолжил Виктор Сергеевич. – Я с женой в разводе, оставил ей квартиру, дачу, снимаю однушку, плачу алименты.

– Ясно, – протянул Купер и решил на следующий месяц обрадовать постоянного покупателя.

Тридцатого декабря он звякнул Гранаткину и сообщил:

– Сегодня в районе одиннадцати вечера привезу вам две упаковки «Жирстоп». Обе бесплатно. Подарок от фирмы. И еще особый пояс – в нем надо спортом заниматься, тогда живот быстро подтянется.

– Здорово! – воскликнул Виктор Сергеевич.

Купер прождал его на холоде минут пятнадцать и начал беспокоиться. До сих пор Гранаткин аккуратно появлялся ровно в назначенное время. Вдруг что-то случилось? Куп сбросил сообщение на пейджер, ответа не получил, занервничал еще сильнее, в конце концов решил уходить и тут увидел своего клиента, который нетвердым шагом вышел из метро. Сразу стало понятно – мужик хорошо поддал.

Купер поспешил к Виктору Сергеевичу, взял его под руку.

– Корпоративчик случился?

– М-м-м... – простонал тот в ответ. – Прости, задержался. Начальство решило клизму под праздник поставить. Облажался я по-крупному. На душе кошки скребут. Слушай, мне отлить надо...

– Эй, эй, только не здесь! – испугался Купер. – Народу полно, и милиция у метро дежурит.

– Лады, – неконфликтно согласился мужик, – за ларек отойду.

Куп попытался остановить его, однако тот неожиданно бодрым шагом обогнул будку с газетами, расстегнул куртку...

Купер попытался загородить Гранаткина, но парни в форме, прохаживавшиеся у входа в подземку, заметили непорядок и кинулись к добыче.

– Ребята, не забирайте его, – попытался уговорить патрульных Купер, – Виктор Сергеевич никогда так не делает,

просто у него сегодня тяжелый день.

– Пусть он в отделении объясняется, – отрубил один из милиционеров. – Ну-ка, документик у нарушителя имеется?

Виктор Сергеевич икнул, распахнул еще больше куртку, Куп увидел кобуру. Патрульные тоже заметили оружие, их лица окаменели. Но тут Виктор Сергеевич достал удостоверение и раскрыл его.

Старший патрульный вытянулся.

– Простите.

– Ничего, парни, – мирно откликнулся Гранаткин, – на мне печать не стоит. Правильно действовали, хотели хулигана взять. Это мне извиняться надо, насвинячил тут, не дотерпел до дома. Больше такое не повторится.

– Вам можно, – сказал самый молодой. – Я вообще-то мечтаю в ваш отдел на службу попасть.

Виктор Сергеевич печально усмехнулся.

– Не надо, останешься без семьи, без детей. Лучше женись на хорошей девушке и найди работу поспокойней.

– Не, к вам охота, – не дрогнул собеседник.

Гранаткин протянул настойчивому юноше визитку.

– На, что ж... Тут номер пейджера, звони после пятого января. – Потом повернулся к Куперу: – Пошли.

– Вы из милиции! – воскликнул менеджер, когда они отошли к светофору.

– Да, я следователь, – подтвердил Виктор Сергеевич. –

Слушай, а давай-ка двинем ко мне? Пельмени сварим...

Вот так и началась их дружба.

С того дня Куп часто забегал к Гранаткину, и в конце концов тот стал для него кем-то вроде родного дяди. О службе своей он не рассказывал, а Купер не выказывал любопытства. Не откровенничал следователь и о своей личной жизни, но иногда все же кое о чем проговаривался, и через некоторое время Куп узнал историю его семьи.

...Наташа, жена Виктора, оказалась очень ревнивой. Она подозревала мужа в изменах, шарила по его карманам, обнюхивала рубашки, постоянно выискивала следы адюльтера. Всякий раз, когда супруг приходил домой за полночь, Наташа закатывала столь мощный скандал, что прибежали соседи. Гранаткин пытался вразумить своего Отелло в юбке:

– У меня служба, график ненормированный, я ведь не стою у станка с девяти до шести. Ты знала, что связываешь свою судьбу с милиционером, я никогда не обещал тебе, что ежедневно будем вместе ужинать и телек смотреть.

– Не имею ничего против твоей работы, гоняйся за преступниками. Но как прикажешь реагировать на твои загулы? – дулась Наталья. – Почему вчера приперся в три часа утра? Вернее, это уже сегодня получается. Бабу завел?

– Нет, – устало отбивался Виктор, – в засаде сидел.

– Да ну? – кривилась женушка. – Сидел? Нет, ты там лежал! И не один, а с шалавой!

Гранаткину оставалось только надеяться, что Наталья

в конце концов поймет: ей достался муж, которого не тянет на сторону, у него элементарно нет времени на зигзаги.

Через пару лет семейной жизни жена действительно слегка утихла, Виктор обрадовался, а зря. Забеременев, Наташа ушла в декрет, осела дома и сделалась невыносимой. Теперь она не только орала на него, но и швырялась кухонной утварью. Один раз кинула сковородку и чуть не убила Гранаткина – тот еле успел присесть, чугунина просвистела мимо. Это было уже слишком. Втайне от жены Виктор пошел посоветоваться с врачом и услышал:

– С беременными такое случается. Вот родит, закончит кормить ребенка, и жизнь наладится. Сейчас у вашей жены гормоны бурлят.

Увы, доктор ошибся. Когда дочке Танечке, названной в честь тещи, исполнилось два года, жизнь Виктора превратилась в кошмар. Сам Гранаткин вырос без отца, поэтому знал, как плохо ребенку в неполной семье, и ради любимой малышки долго терпел выходки Наташи. Но в конце концов его ангельское терпение лопнуло, он в ответ на очередные обвинения супруги заорал:

– Да пошла ты вон! Надоела! Все! Развод! Женюсь на другой, нормальной, не хочу больше жить с бабой, по которой психушка плачет!

Потом он хлопнул дверью и ушел ночевать к приятелю.

На следующее утро ему стало стыдно за хамство, Виктор принялся звонить домой. Наташа не снимала трубку. Гра-

наткин понял, что жена дома, просто не желает общаться, и расстроился еще сильнее. После службы он, прихватив букет гвоздик, приехал домой и обнаружил на двери записку: «Вещи у Невзоровых».

Ничего не понимая, он позвонил к соседям.

– Ну ты даешь, – укоризненно произнесла Аня Невзорова, – довел Наташу до нервного срыва. Они с Таней уехали, куда не знаю, твои шмотки у меня, забирай и уходи.

– Куда мне идти? – опешил Гранаткин. – Что случилось? Анна уперла руки в боки.

– Хватит комедию ломать. Мы с Наткой подруги, знаю, какой ты потаскун, ни одной юбки не пропускаешь. Да еще бьешь Наташу и малышку.

– С ума сойти! – подскочил Виктор. – Никогда их пальцем не трогал. Ты хоть раз у жены синяки видела?

Соседка прищурилась.

– Ты знаешь, как лупить, чтобы следов не оставалось. Вы всегда так в милиции невинных людей калечите. А если меня тронешь, найду на тебя управу, я тебе не Ната безответная, получишь по полной. Вали отсюда!

Виктор попытался открыть свою дверь, понял, что замок заменен, и опять отправился ночевать к приятелю. Конечно, Гранаткин мог легко попасть в квартиру, но он твердо решил расстаться с Наташей, а однушка, где в последние годы они жили, принадлежала именно жене, досталась ей от покойной матери. Виктор снял комнату в коммуналке и много раз пы-

тался поговорить с Наташей. Но та словно под землю провалилась...

Купер посмотрел на меня.

– Да уж, история, – вздохнула я. – Наверное, ей требовался психиатр.

– Вне всяких сомнений, – согласился мой собеседник. – Спустя какое-то время супруги развелись, жена Гранаткина подала на алименты и получала их до восемнадцатилетия Тани. Виктор просил ее разрешить ему встречаться с девочкой, но ничего не получалось, Наталья отказывалась показать ему дочь.

– Гранаткин не мог приехать к психопатке и потребовать свидания с ребенком? – удивилась я. – Он имел полное право на общение с дочкой. Только не говори, что твой приятель понятия не имел, где фактически проживает бывшая жена с дочерью. Гранаткин же милиционер и, как я поняла, вроде начальник. Неужели он не смог отыскать их? Девочка ведь ходила в школу, совсем не трудно было выяснить, какое учебное заведение она посещает, и приехать к окончанию уроков.

– Ты рассуждаешь, как профессиональный сыщик, – улыбнулся Купер. – Виктор знал, что Наталья поменяла однушку, переехала в другой район. Конечно, найти ее новый адрес оказалось несложно. Гранаткин подкараулил Наташу у подъезда. Та пришла домой в районе пяти вечера, вела за руку Таню. Виктор Сергеевич вышел из машины

и окликнул бывшую жену. Истеричка обернулась, схватила дочь в охапку и кинулась бежать, причем почему-то бросилась не в подъезд, а прочь от него. Стояла зима, тротуар покрывал лед, Гранаткин помчался за бабой, а та упала и, увидев его приближение, заголосила: «Люди, он меня убьет! Помогите! Душат! Режут! Избивают!» Таня зарыдала и тоже шлепнулась. Прохожие стали останавливаться, глазеть на происходящее. Мой друг развернулся и ушел. И несколько лет больше не делал попыток общаться с психопаткой, алименты отправлял на главпочтамт. Назад деньги ни разу не вернулись, значит, Наталья их забирала. Когда Тане исполнилось восемнадцать, Виктор перестал делать отчисления.

– Грустная история, – вздохнула я. – Но зачем ты мне ее изложил?

Купер убрал грязные чашки и тарелки в посудомойку.

– Виктор Сергеевич был старше жены, ныне ему восемьдесят с гаком. Сейчас он очень тяжело болен, находится в хосписе и, по оценке врачей, протянет пару месяцев, не более. Гранаткин в сознании, понимает, что умирает, смирился с этим. Он не впал в отчаянье. В последнее время Виктор поверил в Бога. Лишь одно не дает ему покоя – он мечтает встретиться с Таней, обнять ее перед смертью. Он хочет сказать, что любил дочь. И у него есть для нее очень ценный подарок. Мой друг попросил меня найти Татьяну, а я не смог этого сделать.

– Ты? Не смог? – поразились я. – Думала, джинны всемогущи.

– Сам так считал, – усмехнулся Купер. – Полагал, что для меня не существует неразрешимых задач, и – упс, получил тряпкой по морде. Помоги, пожалуйста. Я заплачу тебе за работу.

– Пока не понимаю, чем могу быть полезна, – еще больше удивилась я.

– Сейчас объясню, – оживился незванный гость. – Знаешь, почему я не обнаружил по сию пору Таню?

Глава 10

– Нет, – ответила я.

– Она исчезла, – хмыкнул Купер. – Уж поверь, я человек методичный, с хорошими связями в разных сферах, поэтому на раз-два выяснил, что Наталья второй раз вышла замуж за Григория Евсюкова, сменила фамилию и себе и дочери.

– Она имела право так поступить? При условии, что Виктор официально не отказался от девочки? – усомнилась я.

– Да, – кивнул Куп, – мать может переписать фамилию ребенка на свою, для этого согласия биологического отца не требуется. И Таня тоже стала Евсюковой. А вот удочерить ее новый муж матери не мог. Но, похоже, Григорий Олегович решил проблему известным способом – пошуршал купюрами. После чего Танечка пошла в школу, имея отчество Григорьевна, в личном деле ее отцом записали второго супруга Натальи. Татьяна получила аттестат, поступила в пединститут. Когда она училась на последнем курсе, ее отчим умер. Евсюкова закончила вуз и... Все, более о ней ничего не известно.

Купер остановился.

– Она куда-то уехала? – предположила я. – В другую страну?

Собеседник сделал отрицательный жест рукой.

– Нет, отметки о пересечении госграницы России отсут-

ствуют. О Татьяне Григорьевне Евсюковой нет никаких сведений. Она нигде не работает, не имеет прописки, медстраховки, счетов в банке и кредитных карт, водительских прав, не брала кредиты, не оформляла брак-развод, не рожала детей. Получается, ее просто нет!

– Может, Татьяна умерла? – предположила я.

– Свидетельство о смерти не выдавалось, – отрезал Купер. – Где находится молодая женщина, до сих пор остается для меня загадкой. Поверь, я прорыл землю носом и – ничего.

– Мать не искала дочь? Не била в набат? Не осаждала полицию? – поразила я.

Мой визави начал сметать со стола крошки.

– После смерти второго мужа Наталья Михайловна угодила в клинику неврозов, провела там три месяца и осела дома. Она бросила работу, боялась выходить из квартиры, соседи слышали, как вдова скандалила с дочерью, упрекая ее в желании спать со всеми мужиками сразу, называла проституткой.

– Бедная девушка, – пожалела я незнакомую Таню, – не повезло ей.

– После того как дочь испарилась, Наталья присмирела, некоторое время жила тихо, но потом стала заговариваться. Днем спала, а ночью шаталась по квартире, зажигала свет, газ. В конце концов соседи вызвали психиатра. С той поры Наталья считается инвалидом. Живет в благотворительном

интернате «Свет звезды», получает пенсию. Я хотел с ней поговорить, но меня не подпускают к ней. Мол, Наталья Михайловна очень боится мужчин, сторонится даже тех, с кем живет в одном приюте, хотя прекрасно их знает, и мое появление вызовет у нее приступ паники. Вот такой расклад. Мне необходимо побыстрее найти Таню, но о ней нет никаких сведений. Нигде.

У меня сразу возник вопрос:

– Хочешь, чтобы я поговорила с больной? Предполагаешь, что дочь общается с матерью?

– Это вероятно, – кивнул Купер. – К тебе Евсюкова должна отнестись положительно. Ей категорически не нравятся мужчины всех возрастов, ее долго упрашивали не убегать от врачей – представителей сильного пола, и только недавно Наталья стала спокойно общаться с местным психиатром. Но! Как-то раз у администратора с ресепшен заболела няня, и женщина была вынуждена привезти на работу своего малыша, очаровательного карапуза лет трех. Наталья Михайловна, увидев мальчика, впала в истерику, начала кричать, что тот ее убьет, зарежет... Местный психолог предполагает, что когда-то Евсюкова подвергалась насилию, вероятно, ее второй муж был садистом. Кстати, на руках у Натальи Михайловны есть характерные шрамы, такие остаются от порезов, нанесенных острым ножом. Но правды никогда не узнать. А вот к женщинам больная относится приветливо, в особенности к молодым. Если именно ты заведешь с ней

разговор о дочери, то, скорее всего, узнаешь, где находится Таня.

– Учитывая услышанную информацию, сомневаюсь в успехе своего визита, – вздохнула я, – навряд ли от тетушки со сдвигом можно ожидать разумных речей.

Купер не стал спорить.

– Что ж, вероятно и такое! Но мне сказали, что несколько раз в день у пациентки бывают просветления. И еще. Предполагаю, что Евсюкова может получать от Тани письма или хотя бы открытки. При Наталье Михайловне постоянно находится медсестра, поболтай с ней, она может рассказать, кто навещает ее подопечную, какие известия она получает. Вдруг ей изредка звонят? На конверте может быть обратный адрес, и там точно есть штемпель, а это ниточка. Если знать день, когда Евсюкову попросили подойти к телефону, то можно отследить звонок. Пожалуйста, помоги мне выполнить просьбу умирающего друга.

Я задумалась, не зная, что сказать.

– Не бойся, я отправляю тебя не в страшную муниципальную больницу, где работают звероподобные санитары и бродят буйнопомешанные поднадзорные. Интернат, в который поместили Евсюкову, находится в симпатичном трехэтажном особняке, его содержит Леонид Гарбузов, богатый человек, не желающий афишировать свою благотворительную деятельность. Не знаю, по каким параметрам отбираются подопечные, но все они одинокие, с психическими про-

блемами, однако буйных или совсем неадекватных среди них нет. К каждому постояльцу приставлена медсестра, которую в приюте предпочитают называть «подругой». Там вообще подчеркивают: у нас не медицинское учреждение, где насильно удерживают пациентов, а нечто типа дома отдыха. Если человек захочет, то в любой момент может уехать домой. Однако никто из жильцов такого желания не высказывает. Сейчас в интернате проживает трое мужчин и пять женщин. Наталья Михайловна вполне бодрa, они с сиделкой много гуляют по окрестностям, ходят на станцию. Там открыт торговый центр, при нем кафе. Женщины его посещают. У Евсюковой есть деньги, она же получает пенсию, которую на еду, лекарства и коммунальные услуги не тратит. Кроме того, главврач заведения всегда дает тем, кто решил дойти до местного молла, небольшую сумму на покупку каких-нибудь милых сердцу безделушек и чашку чая с пирожными. Так как, ты съездишь? Завтра съемка должна закончиться в четыре.

– Хорошо, – согласилась я. – Мы начинаем работать в девять утра в районной поликлинике. Понятия не имею, что там делать будем, но Роза обещала закруглиться не позднее шестнадцати часов.

– В интернат можно приехать до девяти вечера, я сброшу тебе адрес, – засуетился Куп. – А теперь вот, смотри...

Гость сунул руку в карман летнего пиджака, вытащил красную бархатную коробочку и открыл ее.

– Какие необычные! – воскликнула я, рассматривая крупные серьги с яркими фиолетовыми камнями. – Выглядят старинными. Хотя я плохо разбираюсь в антиквариате.

– Они современной работы, – улыбнулся Купер. – При-
мерь, тебе должны пойти.

Я смутилась и стала отнекиваться.

– Спасибо. Красивые подвески, но я не ношу такие. И про-
сти, Купер, но у меня есть правило: никогда не брать доро-
гих подарков от мужчин.

Собеседник хмыкнул.

– Экая ты... самостоятельная.

– Не обижайся, – продолжила я. – Мы с тобой знакомы
недавно, сережки недешевые и...

Купер постучал себя пальцем по лбу.

– Вот же кретин!

– Вовсе нет, – улыбнулась я, – скорей уж это я идиотка
с принципами.

– Извини, Степа, это не подарок, – забормотал Купер, –
надо было сразу тебя предупредить.

Я смешалась.

– Глупо вышло. Но ты просил надеть серьги, поэтому я
подумала...

– Сейчас объясню, – перебил меня гость. – Перед тобой
камеры.

– Камеры? – повторила я. – Видео?

– Да, новейшая разработка шпионской аппаратуры. – Ку-

пер улыбнулся. – Меня взволновал факт доставки к двери квартиры Монаховых посылки со странным содержимым. Это явно дело рук сдвинутого по фазе перца. Он, вероятно, наблюдает за Кириллом и Антониной. Супруги не обращают внимания на посторонних, а завтра в поликлинике их будет много. Что, если среди толпы окажется тот, кто придумал эту мерзкую шутку? Ты сможешь его узнать?

Вопрос меня поразил.

– Конечно нет. Я не представляю, как выглядит идиот, я же его никогда не видела. И может, это вообще женщина.

Купер усмехнулся.

– Ну и я не обнаружу в толпе гаденыша. А вот визуолог его безошибочно отыщет.

– Кто? – не поняла я.

– Психолог, работающий в отделе поведенческого анализа ФСБ, – пояснил собеседник. – Специалист сумеет вычислить преступника в скоплении народа.

– И как это делается? – полюбопытствовала я.

– Понятия не имею, – пожал плечами Купер, – да и не стоит вдаваться в тонкости процесса. Психолог посмотрит запись с камер в серьгах, и, возможно, прямо завтра мы вычислим пакостника. Кроме того, когда ты будешь беседовать с Натальей, подвески запишут и слова, и картинку. Тебе ничего запоминать не понадобится. Просто съезди в интернат и постарайся разговорить Евсюкову. Диктофон ее может насторожить, а серьги не напугают – висят себе в ушах посети-

тельницы.

Я взяла одну серьгу и начала ее внимательно рассматривать.

– Ничего не вижу! Просто фиолетовые, красиво ограненные камни в оправе из золотых ангелочков. Где камера? Как она работает? От батарейки? Ее надо заряжать?

Купер вынул из коробочки вторую серьгу.

– К своему стыду, я совершенно не разбираюсь в технике, просто пользуюсь плодами научного прогресса. Да и тебе заморачиваться, как устроена аппаратура, не стоит. Сечешь, как мобильный фурычит?

Мне стало смешно.

– Нет. Я техническая идиотка.

– Зато прекрасно превращаешь монстра в Белоснежку. Поколдуешь кисточками, и красота получается. Ну, надевай серьги, – приказал Купер.

Я покорно воткнула подвески в уши, встала и пошла в ванную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.